

Приходскій листокъ

Свято-Вознесенской церкви

въ городъ Сакраменто

Западно-Американская епархія

Русская Православная Церковь Заграницей

№ 396

13/26 августа, 2007 года

Иеромонахъ Серафимъ (Розъ) въ своей келіи. Одна изъ послѣднихъ фотографій, августъ, 1982 года
Hieromonk Seraphim (Rose) in his cell. One of the last photographs taken of him. August, 1982

Двадцать пять лѣтъ со дня кончины

іеромонаха Серафима (Розъ)

2-го сентября/20-го августа, 1982 года.

The Twenty-fifth Anniversary from the Repose of

Hieromonk Seraphim (Rose).

September 2 (August 20), 1982.

The 25th Anniversary of the Repose of Hieromonk Seraphim (Rose) of Platina

ANNOUNCEMENT

Celebrations and memorial services will be held in honor of Fr. Seraphim at the St. Herman of Alaska Monastery, Platina, California, on September 1-3, 2007. The schedule of events is as follows:

Saturday, September 1 (new style)

4:00 pm Pannikhida for Hieromonk Seraphim
4:30 pm Small Vespers, Compline
6:00 pm Dinner
7:30 pm Vigil

Sunday, September 2

9:00 am Midnight Service, Hours
10:00 am Divine Liturgy
12:30 pm Meal
2:00 pm Lecture: "The Last Days of the Earthly Life Fr. Seraphim" by Hieromonk Damascene, followed by the playing of a recording of Fr. Seraphim's last pastoral talk, "Living the Orthodox Worldview" and the distribution of the newly published compact disc of this talk.
5:30 pm Vespers
6:30 pm Dinner
7:30 pm Compline, Evening Prayers

Monday, September 3

7:30 am Midnight Service, Matins, Hours
9:45 am Vesting of Bishops
10:00 am Hierarchical Divine Liturgy, with Memorial Service for Hieromonk Seraphim
12:30 pm Meal
1:30 pm Lecture: "Introduction to the Bulgarian Edition of Father Seraphim Rose: His Life and Works" by Metropolitan JOSEPH (Bulgarian Orthodox Archdiocese of the USA, Canada and Australia).

Accommodations are limited. Spaces are available for overnight camping. If you plan to spend the night, please bring a flashlight, sleeping bag, sleeping mat and (optional) a tent. If you plan to stay in a hotel, please reserve a room in Red Bluff or Redding, both of which are about an hour from the monastery.

Directions: Take Highway 36 West from Red Bluff for 46 miles. Turn left on Beegum Gorge Road (about 1/4 mile before the town of Platina). Go up Beegum Gorge Road for 1 3/4 miles. The monastery is on the left.

For more information, write to St. Herman of Alaska Monastery, P. O. Box 70, Platina, CA 96076. Email: stherman@stherman.com

Table of Contents:

Articles Dedicated to the Repose of
Hieromonk Seraphim (Rose)
"Orthodox America"
No. 22, Aug.-Sept., 1982

For His Soul Pleased the Lord	page 14
A Man Not of This World	16
The Royal Path	17
It's Later Than You Think!	18
Living an Orthodox World-View	21
Confessor of True Orthodoxy	23

Біографія ієромонаха Серафима (Роуза)

1. Исканіє Бога.

Будущій отець Серафимъ, въ міру Евгеній (Юджинъ) Деннисъ Роузъ, родился 13 августа 1934 г. въ городкѣ Сан-Дієго въ Южной Калифорніи. Его предки во второмъ поколеніи были выходцами изъ Европы, родители же съ ранняго дѣтства жили въ Америкѣ. Евгеній былъ младшимъ ребенкомъ въ семьѣ и росъ всеобщимъ любимцемъ, былъ ласковымъ и послушнымъ. Отъ отца Евгеній научился скромности и смиренію, отъ матери унаслѣдовалъ дѣловитость и практичность, упорство въ достиженіи цѣли и лаконичную манеру говорить; отъ обоихъ родителей онъ перенялъ честность и прямоту, благодаря чему впоследствии умѣлъ распознать любое лицемеріе.

Евгеній росъ серьезнымъ, прилежнымъ и не по годамъ умнымъ, первымъ среди сверстниковъ схватывалъ суть услышаннаго или увидяннаго. Однако, сдержанность и прилежаніе не мѣшали ему участвовать въ дѣтскихъ играхъ; онъ занимался спортомъ, учился играть на фортепіано, интересовался зоологіей, очень много читалъ.

Съ дѣтства въ Евгеніи жило сильное религиозное чувство, и протестантка-мать старалась укрѣпить его. Она водила дѣтей въ церкви разныхъ протестантскихъ направленій и въ каждой пѣла въ хорѣ. Евгеній ходилъ на уроки Библии въ пресвитеріанской церкви и прекрасно изучилъ Священное Писаніе, могъ цитировать его по памяти, чему родители очень удивлялись. Въ восьмомъ классѣ онъ, по собственному желанію, принялъ крещеніе и конфирмацію въ методистской церкви. Но къ окончанію школы тяга къ религіи въ немъ ослабѣла.

Однажды мать сказала ему: “Ты столько времени проводишь за книжками — не иначе какъ важнымъ человекомъ станешь”. “Я не хочу быть важнымъ, — отвѣтилъ Евгеній. — Я хочу быть мудрымъ”.

Въ 1952 г. онъ закончилъ среднюю школу въ Санъ-Дієго первымъ ученикомъ и получилъ нѣсколько поощрительныхъ стипендій, но взялъ изъ нихъ только одну, а отъ остальныхъ отказался: “Съ меня и одной хватитъ”.

Осенью того же года Евгеній поступилъ въ колледжъ южно-калифорнійскаго городка Помоны, который считался лучшимъ частнымъ колледжемъ въ Калифорніи и однимъ изъ главныхъ центровъ гуманитарнаго образованія въ США. У студентовъ были развлечения и устремленія обычныхъ свѣтскихъ людей: добиться успѣха, имѣть машину, быть “признаннымъ”; однако, Евгенія все это совершенно не интересовало. Больше всего его волновалъ вопросъ: зачѣмъ онъ живетъ?

Евгеній принялся тщательно изучать западныхъ философовъ, посѣщалъ курсы лекцій по философіи. Отъ протестантства онъ къ тому времени уже полностью отошелъ; представленія родителей о Богѣ казались ему примитивными и невежественными, ихъ застывшая бытовая религиозность представлялась ему скучной, онъ стремился къ чему-то болѣе высокому и духовному. Такъ онъ, подобно многимъ, сталъ бунтовать противъ христіанства, которое ему навязали въ дѣтствѣ и которое не удовлетворяло его духовной жажды.

Сначала онъ увлекся Ницше. Такимъ образомъ, его философскія исканія начались съ непріятія Бога, къ Которому онъ бессознательно стремился. Изучая философію, Евгеній скоро убѣдился, что рациональное мышленіе очень ограничено. Онъ изучалъ творенія философско-раціоналистовъ, но они не удовлетворяли его:

“Западная философія невероятно скучна”, — написалъ онъ какъ-то въ то время. На второмъ курсѣ онъ увлекся, съ подачи знаменитаго тогда профессора - проповѣдника “новаго религиознаго сознанія” Аллана Уотса дзень-буддизмомъ, который казался ему болѣе глубокимъ, чѣмъ протестантство. Евгенія привлекла восточная философія, онъ сталъ изучать китайскій языкъ и читать китайскія книги въ подлинникахъ.

Евгеній часто и подолгу молчалъ, очень любилъ море, любилъ гулять по ночамъ и смотрѣть на звѣзды. На первомъ курсѣ колледжа Евгеній познакомился съ дѣвушкой Алисонъ, по натурѣ такой же тихой и глубоко одинокой, какъ онъ самъ; съ ней одной онъ могъ говорить о томъ, что его волновало, о своихъ исканіяхъ и надеждахъ. Хотя во многомъ они сильно отличались другъ отъ друга, но сразу нашли взаимопониманіе и часто бесѣдовали о смыслѣ жизни. Евгеній жаловался Алисонъ, что вездѣ чувствуетъ себя чужимъ, никто его не понимаетъ. Алисонъ, будучи ревностной католичкой, пыталась обратить его въ христіанство, но онъ только смѣялся. Убѣжденность и вѣра Алисонъ были пока недостижимы для него. Онъ стремился къ духовному, хотѣлъ избавиться отъ внутренней пустоты, обрѣсти подлинный смыслъ жизни. Но простая вѣра не давалась ему. Съ друзьями по колледжу онъ часто спорилъ о Богѣ и слылъ въ Помонѣ самымъ непримиримымъ атеистомъ. Иногда онъ даже нарочно принимался богохульствовать, и только Алисонъ понимала, что это былъ какъ бы его вызовъ Богу: онъ былъ готовъ предать себя гнѣву Божию, лишь бы убѣдиться, что Богъ существуетъ.

Въ 1956 г. Евгеній съ отличіемъ окончилъ Помону и поступилъ въ Академію востоковѣденія въ Санъ-Франциско. Тамъ онъ быстро сошелся съ интеллектуальной элитой и сталъ многое перенимать: ходилъ съ пріятелями въ рестораны, иногда курилъ дорогія сигареты, сдѣлался знатокомъ хорошихъ винъ, зачастилъ въ оперу, на выставки и въ театры. Санъ-Франциско въ то время превратился въ крупнѣйшій центръ авангардизма. Мораль западнаго общества отвергалась, а отъ Востока брали лишь то, что нравилось, что предопредѣляло вседозволенность и разнообразная бесчинства. Въ этой культурѣ протеста отсутствовали моральные принципы. Однако такая жизнь, заключающаяся въ непрестанномъ вкушеніи “запретнаго плода” и въ разныхъ порокахъ, претила цѣльной и благородной натурѣ Евгенія. Чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти, онъ пристрастился къ спиртному и вновь увлекся Ницше. Сознательно презревъ заповѣди Божія, Евгеній сталъ испытывать адскія муки. “Я побывалъ въ аду. Я знаю, что это такое”, — говорилъ онъ годы спустя, подводя итогъ своимъ “поискамъ” въ противленіи волѣ Божіей.

Собственный прижизненный адъ — грѣховная

жизнь, бессмысленность существования, отчаяние — побудили Евгения искать спасения в религии.

Въ библиотекѣ Академіи было много книгъ по религиозной философіи, и Евгенийъ принялся штудировать ихъ. Рѣшающее вліяніе на него оказали труды французскаго философа-метафизика Рене Генона, благодаря которымъ Евгенийъ научился искать и любить Истину, ставить ее превыше всего и не довольствоваться ничѣмъ другимъ. Генонъ критиковалъ современную цивилизацію и призывалъ вернуться къ древнимъ ученіямъ, къ исконнымъ правовѣрнымъ формамъ религіи, къ традиціоннымъ духовнымъ принципамъ.

Евгенийъ выучилъ древнекитайскій и сталъ работать съ китайской духовной литературой. Онъ также изучалъ индуизмъ, буддизмъ, иудаизмъ и другие религиозныя направления. Среди его знакомыхъ оказалось и нѣсколько православныхъ, одинъ изъ которыхъ однажды позвалъ его на службу въ православную церковь: “Разъ ужъ ты интересуешься Востокомъ, то неплохо приглядеться и къ восточному христіанству”.

2. Обращеніе въ Православіе

Евгенийъ оказался въ русскомъ православномъ соборѣ по имя иконы Божіей Матери “Всѣхъ скорбящихъ Радосте” въ Санъ-Франциско вечеромъ въ Великую Пятницу. Впослѣдствіи Евгенийъ такъ описалъ свою первую встрѣчу с Православіемъ: “Пока я учился, мнѣ хватало лишь уваженія къ древнимъ традиціямъ, самъ же я предпочиталъ быть внѣ ихъ. И въ православную церковь я заглянулъ только для того, чтобы познакомиться еще съ однимъ ученіемъ... Однако, стоило мнѣ перешагнуть порогъ русской церкви въ Санъ-Франциско, какъ со мной произошло что-то неизвѣданное доселѣ ни въ буддистскихъ, ни въ иныхъ восточныхъ храмахъ. Сердце подсказало: вотъ твой домъ. Я наконецъ обрѣлъ, что искалъ. Объяснить себѣ я ничего не могъ, службы я не понималъ, также какъ и русскаго языка. Съ той поры я пріохотился къ православнымъ богослуженіямъ, принялся понемногу изучать обычаи и языкъ...”.

Впечатленіе отъ службы въ русскомъ соборѣ не сразу перемѣнило міровоззрѣніе Евгения, но заронило семя, которое со временемъ дало обильный плодъ.

Евгенийъ продолжалъ изучать китайскую философію. Осенью 1957 г. онъ поступилъ въ Калифорнійскій университетъ въ Беркли, чтобы написать дипломъ и получить степень магистра востоковѣденія.

Скоро онъ сдѣлалъ рѣшительный выводъ: “Христосъ — вотъ единственный выходъ, только въ Немъ спасеніе. Все прочее: радости секса, политическія утопіи, экономическая независимость — суть тупики, гдѣ нашли только конецъ и предаются тлѣну многіе и многіе”.

Въ православныхъ храмахъ, куда Евгенийъ сталъ заходить все чаще, его поражала соборность вѣрующихъ и ихъ свѣтлая радость, особенно на фонѣ той всеобщей разобщенности людей, которую онъ видѣлъ въ окружающемъ мірѣ. Годы отчаянія, отчужденія и страданій подготовили Евгения къ новой жизни. Позже онъ писалъ: “Когда наступаетъ время обращенія къ вѣрѣ, откровеніе иного міра приходитъ на удивленіе просто: черезъ духовную нужду и

страданія- Чѣмъ сильнѣе страданіе, чѣмъ больше трудностей на пути, чѣмъ отчаяннѣе поиски Бога, тѣмъ скорѣе придетъ Онъ на помощь, откроетъ, Кто Онъ, и укажетъ путь”.

Евгенийъ сталъ перечитывать Достоевскаго и поразился, открывъ въ немъ такую глубину, которой онъ раньше не замѣчалъ. Онъ понялъ, что ошибался, когда хотѣлъ постичь все умомъ, потому что Истина — не абстрактная идея, она личностна, она — Воплотившійся Христосъ, Котораго надо познавать любящимъ сердцемъ. Онъ постепенно приходилъ къ Православію, учился любить его. Алисонъ была очень рада тому, что ее другъ обрѣлъ вѣру. Но Евгенийъ еще не представлялъ себѣ своего будущаго. Обычная мірская жизнь: деньги, работа и т. п. — его не привлекала. Онъ пытался объяснить Алисой, почему онъ не женится на ней. Это было лѣтомъ 1960 г. Тогда они видѣлись въ послѣдній разъ, хотя потомъ долгіе годы переписывались. Евгенийъ стремился къ чему-то большому, чѣмъ обыденная жизнь, хотя бы это была и жизнь вѣрующаго православнаго мірянина.

Евгенийъ уже преподавалъ на старшихъ курсахъ и оказался на порогѣ блестящей научной карьеры. Но онъ разочаровался въ современномъ научномъ мірѣ. Черезъ годъ послѣ окончанія университета онъ написалъ: “Молодежи, пока еще не “перевоспитанной” академической средой, все еще жаждущей истины, вмѣсто нее преподается “исторія идеи” или “сравнительное изученіе”. Всепроницающая относительность познанія и скептицизмъ убиваютъ почти у всѣхъ тягу къ истинѣ. Научный міръ ...сталъ сегодня но большей мѣрѣ источникомъ растлѣнія. Слушать или читать слова невѣрящихъ въ истину людей — это и есть растлѣніе. Еще болѣе разлагаетъ подмена истины нѣкоей образованностью и эрудиціей — они представляются самодостаточными, что является пародіей на истину, которой они предназначены служить. Это не болѣе чемъ фасадъ, за которымъ пустота. ...Растлѣваетъ, наконецъ, просто жизнь и работа въ атмосферѣ ложнаго пониманія истины, гдѣ христіанская Истина несомѣстима съ основными научными понятіями, гдѣ даже тѣ, кто все еще вѣритъ этой Истинѣ, могутъ лишь изрѣдка возвысить свой голосъ надъ хоромъ скептиковъ, возвращенныхъ научнымъ мѣромъ”.

Желая упорядоченіе изложить свои взгляды. Евгенийъ задумалъ написать книгу “Царство человѣческое и Царство Божіе”. Она видѣлась ему глубокоимъ изслѣдованіемъ, требующемъ полной самоотдачи. Научная карьера представлялась теперь совершенно бессмысленной. Въ 1961 г. Евгенийъ закончилъ дипломную работу, получилъ степень магистра и написалъ родителямъ, что собирается оставить преподавательскую карьеру и “имѣть не больше, чѣмъ нужно для жизни”, чтобы всецѣло посвятить себя служенію Господу. Мать Евгения пришла въ ужасъ отъ такой перспективы. Но Евгенийъ уже рѣшилъ жить согласно своимъ убѣжденіямъ: онъ оставилъ преподавательскій заработокъ и сталъ подрабатывать дворникомъ, мойщикомъ посуды, мусорщикомъ, нарочно выбирая трудъ потяжелѣе — лишь бы онъ не требовалъ умственнаго напряженія и не отвлекалъ отъ мыслей о задуманной книгѣ.

Работа Евгения по “религиозной философіи” такъ и не была завершена, Онъ бралъ глубоко: чтобы обосновать критику западной цивилизаціи, онъ изучилъ взгляды святыхъ, философовъ, историковъ, художниковъ, ученыхъ,

людей, нѣкогда жившихъ и нынѣ живущихъ, а также литературныхъ персонажей. Изъ 14 задуманныхъ главъ лишь одна, о нигилизмѣ, полностью завершена и напечатана. Многие сохранилось только въ рукописныхъ черновикахъ. Нѣкоторые наброски и фрагменты впоследствии были включены въ его книгу “Православіе и религія будущаго”.

За прошедшія со времени начала работы надъ книгой десятилѣтія исполнилось многое изъ того, что Евгенийъ предрекалъ. Такъ наприимѣръ, онъ предсказалъ наступившей теперь “вѣкъ магіи”, вѣкъ появленія “новой духовности” и утвержденія псевдорелигіи антихриста, со всяческими “чудесами и знаменіями”: “Наряду съ духовнымъ голодомъ людей влечетъ беспредѣльное любопытство — отсюда и тяга къ разгадкѣ вселенскихъ тайнъ, къ магіи, къ суррогату духовнаго, удовлетворяющему убогіе умственные и духовные запросы человѣка... А что еще нужно для “счастья”, если всѣ мірскія блага подъ рукой? ...міръ сей уникаленъ лишь по степени своей одурманенности сатаной и близости къ воцаренію антихриста. Послѣдніе христіане могутъ лишь засвидѣтельствовать Истину передъ міромъ, въ томъ числѣ и своимъ мученичествомъ, котораго міръ сей отъ нихъ непремѣнно потребуетъ. И уповать они будутъ на Царство “не отъ міра сего”, на то Царство, о славѣ котораго люди обмирщенные не могутъ даже помыслить — Царство, которому не будетъ конца”.

Но видя вокругъ множество “теплохладныхъ” христіанъ, которые ищутъ въ христіанствѣ лишь “душевной пріятности”, чтобы утѣшиться въ мірѣ сёмъ, совершаютъ добрыя, по мірскимъ мѣркамъ, дѣла, наслаждаются своимъ благочестіемъ и увѣрены въ обильномъ за то воздаяніи послѣ смерти, Евгенийъ исполнялся горечи; такіе “христіане” вызывали у него чувство презрѣнія и даже ненависти. Это беспокоило его совѣсть: вѣдь чтобы любить Бога, надо любить и ближняго. Евгенийъ просилъ у Бога смиренія и любви къ ближнимъ, въ борьбѣ съ самимъ собой смирилъ свою гордыню и бунтарскій духъ. Онъ понималъ, что призывая другихъ къ покаянію и смиренію, нужно начать съ себя.

Въ 1961 г. у Евгения серьезно заболѣлъ кишечникъ. Ему стало извѣстно, что болезнь его считается неизлечимой. Въ душѣ зародился ропотъ: значить, ему суждено умерѣть, а онъ такъ ничѣмъ и не смогъ послужить Богу и оправдать свое земное существованіе. Какъ-то въ одинъ изъ дней, когда Евгенийъ тяжело страдалъ, онъ увидѣлъ въ художественномъ магазинѣ на витринѣ фотографію старинной иконы Богоматери “Троеручица”. Въ отчаяніи Евгенийъ взмолился: “Вразуми, наполни смысломъ мою жизнь! Помоги раскрыть дарованные таланты! Дай войти въ Церковь Сына Твоего, пребыть въ Его спасительной оградѣ, въ самомъ сердцѣ Церкви! Даруй послужить Сыну Твоему!”

Молитвами Богородицы, Евгенийъ получилъ исцѣленіе, а вскорѣ познакомился съ молодымъ русскимъ по имени Глѣбъ Подмошенскій, одного съ нимъ возраста, также молившимся объ указаніи жизненнаго пути. Характеры у молодыхъ людей были очень разными, но они оба были движимы большими идеями, и поэтому быстро подружились. Глѣбъ происходилъ изъ русской семьи, но мать не воспитала его въ вѣрѣ, и онъ тоже пережилъ кризисъ отчаянія. Господь привелъ его къ Церкви, и ко времени знакомства съ Евгениемъ онъ уже закончилъ Свято-Троицкую Духовную Семинарію и

искалъ примѣненія полученнымъ знаніямъ. Онъ стремился къ монашеству, но его мать въ то время противилась этому. Поэтому Глѣбъ рѣшилъ посвятить жизнь дѣлу православнаго просвѣщенія.

Евгенийъ сразу же поразилъ Глѣба своими познаніями и внутренней глубиной, отреченностью отъ міра сего и глубокимъ интересомъ къ Православію, необычными для простаго американца. Съ помощью Глѣба и его русскихъ друзей Евгенийъ окончательно воцерковился. 15 февраля 1962 г. — въ день памяти св. Евгения Александрійскаго, онъ былъ принятъ въ Православную Церковь черезъ таинство муропомазанія. Послѣ первого причастія онъ цѣлую недѣлю ощущалъ необыкновенную сладость во рту, такъ что не хотѣлось даже есть; такъ Господь явилъ ему Свое милосердіе.

Въ 1962 г. въ Санъ-Франциско пріѣхалъ святитель Архіепископъ Іоаннъ (Максимовичъ) Съ его пріѣздомъ возобновилось строительство новаго собора, учреждались новыя братства, церковная жизнь забила ключомъ. Евгенийъ много времени проводилъ въ храмѣ, посѣщая всѣ утреннія и вечернія службы, сосредоточенно стоялъ у западной стѣны собора и истово молился. Вскорѣ Владыка Іоаннъ замѣтилъ его и предложилъ ему читать на клиросѣ. Евгению быстро освоилъ церковнославянскій языкъ и сталъ прекрасно читать.

Благодаря Владыкѣ Іоанну, который былъ живымъ хранителемъ святоотеческаго ученія, Евгенийъ глубоко воспринялъ душой Преданіе и традиціи Православной Церкви. Онъ такъ сталъ свидѣтелемъ гоненій, воздвигнутыхъ противъ Владыки Іоанна въ 1963 г.

Архіепископъ Іоаннъ учредилъ въ Санъ-Франциско богословскіе курсы, гдѣ Евгенийъ отучился три года, кончивъ ихъ съ отличіемъ. Сразу послѣ этого курсы закрылись и ко многимъ закралась мысль — не ради ли одного человѣка создавалъ ихъ обладавшій пророческимъ даромъ св. Іоаннъ. Въ 1963 г. Владыка Іоаннъ благословилъ его писать небольшія статьи на англійскомъ къ мѣстный православный бюллетень “Православный благовѣстникъ”. Такъ начались авторскія публикаціи Евгения. Это были короткія статьи-проповѣди на разныя темы: о церковныхъ праздникахъ, о житіяхъ святыхъ, объ основахъ духовной жизни. Эта работа помогла Евгению разобраться въ самыхъ разныхъ вопросахъ Православія и быстрѣе развиться духовно.

Родители Евгения были недовольны новымъ направлениемъ жизни сына: онъ казался имъ “религіознымъ фанатикомъ”, разбившимъ ихъ надежды видѣть его преуспѣвающимъ мірскимъ человѣкомъ. Но Евгенийъ уже подумывалъ о монашествѣ. Его другу Глѣбу пришла идея организовать братство въ честь преп. Германа Аляскинскаго (+1836), просвѣтителя Америки, открыть православную книжную лавку и заняться миссіонерскою дѣятельностью черезъ печатное слово. Евгению понравилась эта идея. 28 августа/10 сентября 1963 г. Архіепископъ Іоаннъ благословилъ братство, совершивъ молебенъ передъ иконой преп. Германа (тогда еще официально не причисленнаго къ лику святыхъ), написанной Глѣбомъ въ 1962 г.

Въ мартѣ 1964 г. Евгенийъ съ Глѣбомъ открыли недалеко отъ собора лавку “Православныя книги и иконы”, которая стала настоящимъ центромъ православнаго просвѣщенія. Хозяева съ любовью встрѣчали приходящихъ, всегда были

готовы отвѣтить на ихъ вопросы, посовѣтовать нужную литературу. Мѣстные архіереи и священники посылали въ лавку интересующихся Православіемъ, заходили и люди прямо “съ улицы”. Черезъ Братство преп. Германа множество американцевъ обратились въ Православіе. Въ основномъ, въ лавкѣ работалъ Евгений, который проводилъ тамъ цѣлые дни и иногда даже оставался ночевать, вкладывая всю душу въ новое дѣло. Посѣтителемъ лавки онъ очень нравился. Вскорѣ Евгений началъ вести лѣтопись Братства.

Въ февралѣ 1965 г. у Братства появился свой журналъ — “Православное Слово”, въ которомъ Евгений и Глѣбъ стали публиковать переводы православныхъ книгъ на англійскій языкъ и обличать богоотступничество современнаго міра. Название журнала далъ святитель Іоаннъ. Первые номера выпускались на миленкомъ печатномъ станкѣ съ ручнымъ наборомъ. Цѣлый день уходило на то, чтобы набрать всего одну страницу текста. Евгений нерѣдко засиживался полночь и засыпалъ прямо у станка. Потомъ перешли на электрической станокъ, купленный на скопленные деньги, но и на немъ приходилось набирать вручную. Зато журналы получались точно такими, какъ изданія давно минувшихъ лѣтъ, и это оставляло у читателя неповторимое впечатленіе. Архіепископъ Іоаннъ нарочно не провѣрялъ ихъ журналъ, желая научить ихъ отвѣтственности за то, что они печатаютъ, прислушиваться къ своей совѣсти, а не къ чьему-то “авторитетному” мнѣнію.

Многіе люди не понимали такого начинанія и смеялись надъ Евгениемъ и Глѣбомъ, говоря, что они “пойдутъ по міру” со своей миссіонерской дѣятельностью. Но Евгений говорилъ: “Скорѣ умру, но не отступлюсь!” Послѣ кончины св. Іоанна въ 1966 г., Евгению и Глѣбу было поручено собирать свѣденія о многочисленныхъ чудесахъ, совершавшихся по молитвенному ходатайству святителя. Впослѣдствіи эти записи составили “Лѣтопись почитанія Блаженнаго Іоанна”.

Между тѣмъ, Евгений и Глѣбъ все чаще задумывались о томъ, чтобы оставить городъ и стать пустынножителями. Лѣто 1967 г. братья смогли купить подходящій для этихъ цѣлей участокъ земли на лѣсномъ холмѣ, среди нетронутой природы, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ небольшого городка Платина въ Северной Калифорніи. Сначала бывали тамъ наѣздами, а въ 1969 г., на праздникъ Успенія Прѣсвятой Богородицы, переехали окончательно.

3. Монашество

Въ своей пустынкѣ братія, продолжая издавать “Православное слово” и другія изданія, вели суровую монашескую жизнь, лишённую всякаго комфорта. Въ первое время имъ было особенно трудно: удалось построить всего двѣ деревянныя каморки: въ одной они спали, ѣли и молились, а въ другой держали печатное оборудованіе. Зимой было очень холодно, т. к. никакого отопленія не было, такъ же какъ и канализаціи, и свѣта. Печатный станокъ работалъ отъ небольшого движка, а въ быту братія обходились свѣчами и керосиновой лампой. Зато всѣ эти трудности и лишёнія помогали держаться строгой духовной жизни и укрѣпляли ихъ въ упованіи на Бога, а не на свои силы.

Тонъ каждому дню задавали богослуженія, на которыхъ собирались трижды. Братія совершали ежедневно

суточный кругъ — полуношницу, утреню, часы, вечерню и повечеріе.

Самымъ тяжелымъ испытаніемъ было изданіе журнала — въ лѣсу, въ первобытныхъ условіяхъ; работа съ печатнымъ станкомъ требовала массы терпѣнія и осторожности. Господь иногда посылалъ видимыя знаменія для укрѣпленія братіи. Напримѣръ, случалось, что послѣ молитвы сломавшійся было печатный станокъ начиналъ работать самъ собой. Другой разъ Евгений, поднимаясь на гору, упалъ и покатился по склону въ кусты, ударившись о камень, — но не только ничего не сломалъ, но даже не ушибся. Братія понимали, что искушенія и трудности необходимы для спасенія. Евгений писалъ: “Чтобы трудъ на нивѣ Православія далъ плоды, нужно избирать узкую, почти непроходимую тропу, съ молитвой, слезами и потомъ прокладывать себѣ путь. Когда слишкомъ много свободы, денегъ, выбора и замысловъ — все легко пустить по ветру. Такъ намъ ли не благодарить Господа за всѣ тяготы и испытанія — лишь въ этомъ наша надежда!”

Въ первые годы отшельническую жизнь братіи въ молитвѣ и трудахъ почти никто не нарушалъ. Изрѣдка заѣзжали ихъ знакомые, знавшіе о скитѣ, въ томъ числѣ Архіепископъ Антоній (Медведевъ и его викарій Епископъ Нектарій (Концевичъ)). Живя въ пустынѣ, братія чувствовали духовное родство съ русскими подвижниками XVIII—XX вѣковъ, продолжая ихъ традиціи, восходившія къ преп. Паисію Величковскому, возродившему на Руси истинный духъ православнаго монашества. Еще до ухода въ пустынь братія избрали житіе и ученіе преп. Паисія своимъ духовнымъ руководствомъ. Сама идея скита съ двумя-тремя братіями подсказана была опытомъ преподобнаго, который называлъ подобное жительство “царскимъ путемъ”. Братія, по совѣту преп. Паисія, ввели въ скиту правило взаимнаго послушанія: вмѣсто послушанія духоносному старцу, они подчинялись другъ другу, внимая при этомъ ученію свв. Отцовъ и отсекая свою волю и мнѣніе передъ братомъ. Это помогало бороться со своеволіемъ и сохранять единеніе душъ. Еще до переѣзда въ Платину братія пріобщились къ древнему монашескому принципу — откровенію помысловъ: при отсутствіи духовнаго отца они повѣряли другъ другу смущающіе ихъ помыслы.

Скитъ стоялъ посреди дѣвственнаго лѣса, это былъ край непуганныхъ звѣрей, и братія быстро подружились съ обитателями лѣса — оленями, бѣлками — которые ихъ совсѣмъ не боялись. Вскорѣ послѣ переѣзда въ скитъ Евгений занялся огородомъ, и этого занятія не оставлялъ до самой смерти.

Въ издаваемомъ журналѣ братія отстаивали чистоту Православія, защищали его отъ отступниковъ, въ особенности изъ среды иерарховъ “официальнаго православія”. Въ одномъ изъ писемъ Евгений отмѣчалъ: “Тѣ, кто тонко чувствуетъ Православіе (живя благодатной жизнью, пріобщившись его сокровищъ: житій святыхъ, святоотеческаго ученія и т. д.), воюютъ съ врагомъ — ересью, которая еще точно не обозначена и не выявлена. Проклюнулись лишь ея нѣкоторыя стороны: хилиазмъ, общественное евангеліе, обновленчество, экуменизмъ. Ихъ можно распознавать, имъ можно противостоять, но въ цѣломъ битва ведется “вслѣпую”, и тѣ, кто взраченъ не на житіяхъ святыхъ, а на новомодныхъ журналахъ, ...кому Православіе не вошло въ плоть и кровь,

не понимают толком, из-за чего разгорѣлся сырѣ-боръ, почему столько шума из-за “пустяковъ”, которые ни однимъ Соборомъ не признаны ересью”.

...

Въ 1970 г. братія приняли участие въ прославленіи ихъ небеснаго покровителя — преп. Германа Аляскинскаго. Они составили двѣ службы святому — на церковно-славянскомъ и на англійскомъ языкахъ — и привезли нѣсколько коробокъ съ текстомъ службы, чтобы раздать вѣрующимъ во время церемоніи прославленія, которая проходила въ соборѣ въ Санъ-Франциско. Народу прибыло очень много. Чинъ прославленія возглавилъ Митрополитъ Филаретъ. Во время этого Богослуженія Евгений и Глѣбъ окончательно рѣшили стать монахами. Владыка Филаретъ отъ имени Архіерейскаго Свнода РПЦ вручилъ Братству благодарственную грамоту (въдъ братія своими публикаціями о преп. Германѣ въ “Православномъ словѣ” очень много сдѣлали для его скорѣйшаго прославленія), въ которой дальнѣйшій путь Братства очерчивался какъ сопряженіе отшельничества въ скиту съ миссіонерской дѣятельностью.

Глѣбъ обратился къ правящему архіерею Архіепископу Антонію съ просьбой постричь ихъ въ монахи. При этомъ братія не хотѣли превращенія своей пустыни въ обычный епархіальный монастырь, во всемъ зависимый отъ архіерея, поэтому отказались отъ предложенія Владыки Антонія сразу сдѣлать ихъ іеромонахами; они хотѣли сохранить независимость скита, по примѣру Бостонскаго монастыря о. Пантелеимона.

14/27 октября 1970 г. братія были пострижены въ монахи: Евгений — съ именемъ Серафимъ въ честь преп. Серафима Саровскаго, а Глѣбъ — съ именемъ Германъ въ честь преп. Германа Аляскинскаго. Сначала Архіепископъ Антоній настаивалъ на ихъ скорѣйшемъ рукоположеніи, но подъ влияніемъ Епископа Нектарія измѣнилъ свое намѣреніе. Руководителемъ монашеской жизни для братіи стали Епископъ Нектарій, ученикъ послѣдняго оптинскаго старца преп. Нектарія, и близкій другъ Владыки Иоанна (Максимовича) архимандритъ Спиридонъ (Ефимовъ), который сталъ регулярно пріѣзжать въ скитъ, служить въ немъ Литургію и причащать братію.

Отецъ Серафимъ радовался каждому дню, проведенному въ скиту. Его сердце переполнялось благодарностью къ Богу, онъ даже благословлялъ и цѣловалъ деревья. “Мы здѣсь въ Раю!” — говорилъ онъ. Проходя стезю внутренняго дѣланія, онъ не тратилъ время на пустые разговоры и рѣдко выражалъ собственное мнѣніе по какому-либо вопросу. Въ обращеніи былъ чрезвычайно простъ, отмѣталъ отъ себя всякую суету и старался удерживать мысль въ памяти Божіей. Кромѣ совершенія всякъ положенныхъ уставныхъ службъ, о. Серафимъ ежедневно читалъ святыхъ Отцовъ, старался исполнять ихъ завѣты и слѣдовать ихъ боговдохновенной мудрости. Безъ усталости онъ трудился въ стяжаніи добродѣтелей, смиряясь въ постоянномъ бореніи съ внутреннимъ ветхимъ человѣкомъ, пребывая въ молитвѣ и духовномъ бдѣніи. Отецъ Серафимъ любилъ говорить объ Истинѣ, и всегда не какъ объ отвлеченной идеѣ или принципѣ, а какъ о чемъ-то живомъ, и глубоко скорбѣлъ о томъ, что міръ отвращается отъ Истины. Часто о. Германъ заставлялъ о. Серафима въ глубококомъ размышленіи и созерцаніи.

Вѣсть о существованіи скита въ Платинѣ постепенно распространялась. Стали пріѣзжать паломники. Братія никого не звали къ себѣ, но и никого не отгоняли. Пріѣзжавшіе изумлялись: неужто въ современной Америкѣ сыскалось такое мѣсто — безмолвный лѣсъ, среди него нѣсколько хижинъ и два монаха въ черныхъ рясахъ... Однако, даже не всѣ самые благожелательные друзья понимали устремленія братіи. Нѣкоторые совѣтовали имъ завести въ скиту телефонъ и удивлялись, когда слышали въ отвѣтъ: “Только черезъ наши трупы!” Братія не помышляли о настоящемъ “солидномъ” монастырѣ, и всякая монастырская постройка, даже и церковь, оставалась незавершенной. “Бытуеетъ мнѣніе, — писалъ о. Серафимъ, — что въ храмѣ должно быть тепло, ибо развѣ можно ощутить радость Богослуженія и причастія, когда мерзнуть ноги. Люди упрекаютъ насъ: дескать, нельзя со стылкими ногами возжечь сердце. Но сужденіе это невѣрно въ корнѣ. Святые Отцы вѣками жили въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. ...Это помогаетъ трезвенію въ духовной жизни, помогаетъ оцѣнить то, что имѣешь, а не принимать всѣ блага какъ нѣчто само собой разумеющееся”.

Хотя современное представленіе о монастырѣ нерѣдко связано съ ожиданіемъ духовной радости, умиротворенія и покоя, православное ученіе предполагаетъ совсѣмъ другое: паломничество по святымъ мѣстамъ — это подвигъ очистительнаго покаянія, добровольные тяготы. Пріѣзжавшимъ жить въ Платину приходилось отказываться отъ привычной, въ холѣ и нѣгѣ американской жизни. Со случайными посѣтителями приходилось нелегко. Однажды о. Серафимъ показывалъ монастырь пріѣхавшей дамѣ, которая воскликнула: “Какъ, должно быть, скучно вы живете! Ни телевизора, ни радіо, даже телефона нѣтъ! И какъ вы терпите?” — “А намъ нѣкогда скучать — дѣлъ по горло”. Когда подобные посѣтители уѣзжали, о. Серафимъ облегченно вздыхалъ, осенялъ себя крестнымъ знаменіемъ и спѣшилъ въ келью — писать очередную статью.

За годы усердной, вдумчивой работы надъ книгами о. Серафимъ приобрѣлъ обширныя познанія. Каждое свое сочиненіе онъ сопровождалъ большими цитатами изъ святоотеческихъ источниковъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ. Отецъ Серафимъ замѣчалъ, что въ современномъ Православіи часто стараются переиначить вѣру, чтобы она соотвѣтствовала мышленію современныхъ людей; онъ же, напротивъ, переиначивалъ свое міропониманіе, чтобы соотвѣтствовать мышленію святыхъ Отцовъ и во всей полнотѣ вобрать 2000-лѣтній опытъ христіанства. Въ разговорѣ съ новообращеннымъ въ скиту о. Серафимъ указывалъ, что для пріобщенія къ святоотеческой мысли главное — это преемственность, которая вырабатывается духовной дисциплиной, основанной на мудрости святыхъ Отцовъ. Внешне эта преемственность — пріобщеніе къ Божественной мудрости — происходитъ черезъ наше участіе въ ежедневныхъ богослуженіяхъ, черезъ чтеніе духовной литературы; а безъ этого каждодневнаго подпитыванія себя “неотмирностью” мы не можемъ противостоять влиянію міра, и мірское задавить и поглотить совсѣмъ нашу душу. Духовная жизнь подразумеваетъ не “витаніе въ облакахъ”, а примѣненіе законовъ духовности въ сложившихся условіяхъ, а для этого надо внимательно читать святыхъ Отцовъ и пересматривать свои взгляды, согласовывая ихъ

со святоотеческой мудростью. Читать нужно понемногу, “впитывая” каждое слово и размышляя, какъ это можно примѣнить въ своей жизни, ибо святоотеческое учение — вѣкъ времени. “Православіе не мѣняется изо дня въ день, изъ вѣка въ вѣкъ, — писалъ о. Серафимъ. — ...Всѣ святые говорятъ съ нами на одномъ и томъ же языкѣ — языкѣ духовной жизни, который должны научиться понимать и мы, ...Подлинное, неизмѣнное христіанское учение передается намъ устно и письменно, не прерываясь... Во всякое время въ Церкви были святые Отцы, во всякое время передавалось будто бы утерянное святоотеческое учение. Даже сегодня, когда многіе православные отвернулись, остались его истинные хранители, и они передаютъ учение тѣмъ, кто жаждетъ его. Какъ важно намъ, послѣднимъ христіанамъ, получить вдохновляющій примѣръ и руководство святыхъ Отцовъ недавней поры или нашихъ дней, тѣхъ, кто жилъ въ такихъ же условіяхъ, что и мы, и тѣмъ не менѣе сберегъ въ цѣлости и сохранности первоначальное нестареещее учение”.

Отецъ Серафимъ прозрѣвалъ время. Онъ видѣлъ суть нигилистической философіи и ее демоническую природу. Онъ понималъ, что всѣ, въ томъ числѣ и онъ самъ, заражены ею, и что излѣчиться отъ этого можно, лишь осознавъ наличие недуга въ себѣ самомъ. Онъ не надѣялся на свой умъ и со смиреніемъ обращался ко святымъ Отцамъ:

“Отцы будутъ направлять насъ, научатъ, какъ смиряться, не полагаться на собственное обмірщенное мнѣніе. ...уповать на Божіихъ угодниковъ, а не на міръ сей. Въ нихъ найдемъ мы истинныхъ отцовъ, столь рѣдкихъ сегодня...”

Онъ имѣлъ любовь ко святымъ Отцамъ, а въды любящему сыну и въ голову не придетъ “быть мудрѣе мудрецовъ”. Именно этотъ принципъ мѣшаетъ многимъ людямъ всей душой воспринять Православіе: рационализмъ западнаго мышления побуждаетъ все “взвесить” и “разложить по полочкамъ”. Такой холодный, умозрительный подходъ къ Православію всегда отвращалъ о. Серафима, ему была по душѣ непосредственная, какъ у дѣтей, вѣра въ святоотеческую мудрость: “Можно найти много необъяснимаго и “нелогичнаго” въ трудахъ святыхъ Отцовъ, потому-то и нѣльзя подходить къ нимъ съ обычными рациональными мѣрками. Нужно подняться выше, а для этого требуется умягчить сердце, сдѣлать его болѣе чуткимъ”.

Отецъ Серафимъ понималъ, насколько важно умѣть правильно примѣнять на практикѣ учение святыхъ Отцовъ, сообразуясь съ условіями жизни каждого человѣка. А именно здѣсь часто спотыкаются и умствующіе богословы, и неопытные новообращенные. “Намъ надо подходить къ святымъ Отцамъ со смиреннымъ желаніемъ начать духовную жизнь съ низшей ступени, — писалъ о. Серафимъ, — и не помышлять о стяжаніи состояній, присушихъ высокой духовности, до которой неимовѣрно далеко... Надо помнить, что главная цѣль въ чтеніи святоотеческихъ трудовъ не въ томъ, чтобы “получить духовную радость и наслажденіе” или укрѣпиться въ сознаніи собственной праведности, стяжать высшую мудрость или особое “созерцательное” состояніе, а въ томъ лишь, чтобы сдѣлать первый шагъ на пути добродѣтели”.

Отецъ Серафимъ подчеркивалъ что “страданіе — дѣйствительность нашего бытія, первая ступенька подлинной

духовной жизни”. Онъ научился переносить страданія съ благодарностью Господу, и это приносило обильные плоды, способствовало очищенію сердца. Безъ болезнованія сердца невозможно ничего истиннаго достигъ на духовномъ пути.

Въ работахъ о. Серафима по популяризації святоотеческаго ученія прослѣживается очень рѣдкая въ современныхъ книгахъ черта — предѣльная честность и передъ святыми Отцами, и передъ читателемъ, и передъ самимъ собой. “Подлинное учение святыхъ Отцовъ, — писалъ онъ, — содержитъ истины, отъ которыхъ зависитъ наша духовная жизнь или смерть. Суть проста, ее можно выразить нѣсколькими словами: Братія и сестры, вотъ — Истина. Давайте же съ благодарностью пострадаемъ ради нее”.

Къ современному богословію, вродѣ о. Сергія Булгакова или о. Александра Шмемана, пытавшимся искать “новые пути православнаго богословія” и замѣнить старое, “отжившее” пониманіе Православія, о. Серафимъ относился непримиримо. Въ “Православномъ словѣ” онъ писалъ: “Православіе сегодня — и священство, и богословы, и вѣрующіе — обмиршилось. Молодежь живетъ въ удобныхъ уютныхъ домахъ и ищетъ такую религію, которая бы соотвѣтствовала ихъ самодостаточной жизни..., профессора и лекторы пребываютъ въ “научномъ” мірѣ, гдѣ, увы, ничто не принимается всерьезъ, ничто не является вопросомъ жизни и смерти... Метко назвали “богослововъ” новой школы... “богословами съ сигаретой”. Слово ихъ мертво, ибо сами они — отъ міра сего и взываютъ къ міру въ обстановкѣ обмірщенности. И порождаютъ лишь пустые, выспренные рѣчи, а отнюдь не идею православнаго подвига”.

Отецъ Серафимъ прекрасно видѣлъ окончательное расхожденіе современнаго богословія со святоотеческимъ Православіемъ. Онъ самъ стремился слѣдовать принципу: жить духовной жизнью, а не разсуждать о ней. Почти въ каждомъ номерѣ “Православнаго слова” отцы Серафимъ и Германъ помѣщали житіе того или иного подвижника Православія, чтобы черезъ любовь къ подвижникамъ привести людей къ самому подвижничеству. Въ 1973 г. отцы приняли публиковать житія пустынниковъ Северной Россіи (приложивъ немало трудовъ, т. к. источниковъ почти не было), которые впослѣдствіи были опубликованы отдѣльной книгой подъ названіемъ “Северная Фиваида”. Отецъ Серафимъ подчеркивалъ, что міропониманіе пустынниковъ слѣдуетъ воспринять всѣмъ, кто слѣдуетъ за Христомъ, и въ монашествѣ, и въ міру: “Гласъ Северной Фиваиды зоветъ насъ если не уйти въ пустыню..., то хотя бы сохранить “благоуханіе” пустыни въ сердцѣ своемъ, сердцемъ и умомъ пребывая съ Божіими угодниками..., молитвенно бесѣдуя съ ними; сторониться увлеченій и страстей міра сего, даже если они возобладаютъ въ религіозныхъ учрежденіяхъ или вовлекутъ кого-либо изъ іерарховъ; помнить первымъ дѣломъ, что принадлежишь горному граду Іерусалиму... Вкусившій однажды... трезвенія въ беспрестанной борьбѣ никогда уже не удовольствуется ничѣмъ мірскимъ...” Именно это и хотѣлъ донести до людей въ своихъ книгахъ и журналѣ о. Серафимъ и этимъ помочь многимъ христіанамъ правильно сориентироваться въ жизни.

Такъ, съ помощью о. Серафима, пришель къ Православію будущій священникъ Алексій Янг. Онъ вмѣстѣ съ женой и сыномъ присоединился къ Церкви въ 1970 г., а въ 1971 г.

впервые приїхаль вь скитъ преп. Германа. Отцы указали ему, что двигателем всей жизни общины, которую Алексий задумалъ создать вь городкѣ Этна (гдѣ онъ жилъ и гдѣ насотни миль вокругъ не было ни православныхъ храмовъ, ни самихъ православныхъ), должно быть ежедневное богослужение. Для начала они посовѣтовали Алексію съ женой ежедневно совершать службу 9-го часа, къ которому впоследствии добавилась вечерня. Со временемъ къ нимъ присоединились нѣкоторые ихъ знакомые, которые впоследствии приняли Православіе. Вскорѣ Алексій сталъ издавать журналъ “Никодимъ”, рассказывавшій вь основномъ о заботахъ мірянъ и о “рожденныхъ свыше”, т. е. новообращенныхъ вь Православіе. Отець Серафимъ много помогаль Алексію: переводилъ статьи, писалъ рецензии, вь письмахъ наставляль Алексія вь духѣ православнаго трезвенія.

Этотъ первый “побѣгъ” на древъ Братства заставилъ отцовъ выработать принципы мірскихъ православныхъ общинъ вь современныхъ условіяхъ. Вѣрующіе изъ общины вь Этнѣ приїзжали вь Санъ-Франциско хотя бы разъ вь годъ, чтобы причаститься Святыхъ Тайнъ. Вь качествѣ ежедневной “духовной пищи” они читали духовную литературу и ходили на Богослуженія вь свою домашнюю часовню. Отець Серафимъ писалъ, что ежедневныя богослуженія (пусть и не полный кругъ) — это краеугольный камень православной общины и ее самая примѣтная отличительная черта. Вь серіи статей о Богослужебномъ уставѣ о. Серафимъ старался развѣять “расхожее и невѣрное мнѣніе, будто православнымъ христіанамъ не дозволяется проводить Богослуженіе безъ священника, безъ него вѣрующіе будто бы беспомощны и “неспособны къ молитвѣ”, а сегодня все чаще и чаще паства остается безъ пастыря”. Онъ процитироваль призывъ Архіепископа Аверкія ко всѣмъ православнымъ: собираться вмѣстѣ для молитвы, даже когда нѣтъ священника, и заключилъ: “Общая молитва мірянъ можетъ и должна совершаться какъ можно чаще и вь приходяхъ, лишившихся пастыря, и тамъ, гдѣ вѣрующихъ очень мало и они не вь состояніи содержать священника, и вь удаленныхъ отъ церкви мѣстахъ, гдѣ еще не сформировался приходъ, да хотя бы и вь семьѣ, гдѣ нѣтъ возможности ходить вь храмъ по воскресеньямъ и праздникамъ”.

Отець Серафимъ полагаль, что маленькая община вь Этнѣ выстоитъ благодаря тяготамъ и заботамъ, выпавшимъ вь жизни ее братьямъ и сестрамъ. Вь лѣтописи Братства онъ отмѣтилъ: “Всѣмъ взрослымъ вь общинѣ досталось немало страданій... Это залогъ ихъ твердой вѣры вь Православіи”. Вь одномъ изъ писемъ онъ говорилъ: “Община вь Этнѣ никоимъ образомъ не идеаль и не пробный камень, она возрастаетъ вь естественныхъ условіяхъ... Парадоксъ вь томъ, что они, на свое счастье, удалены отъ православныхъ приходоу и, слѣдовательно, не извѣдали ихъ рутинной жизни, они не воспринимають Церковь какъ нѣчто самособойразумеющееся, не кивають на церковныя власти, которыя якобы отвѣчаютъ за службы и прочее. Люди вь Этнѣ вынуждены сами проводить Богослуженія, и службы имъ только дороже отъ этого. Какихъ трудовъ стоить имъ добратся до священника, чтобы причаститься — и они превелико цѣнятъ это счастье, буквально вь страхѣ и трепетѣ “зарабатывають” свое спасеніе. ...Мы чувствуемъ, хотя и не можемъ пока логически обосновать, что вь будущемъ Православіе сохранится какъ

разъ благодаря такимъ малымъ общинамъ, объединившимъ людей съ полнымъ единомыслиемъ и единодушіемъ. Исторія XX вѣка уже доказала, что не стоить уповать на “церковную организацію”. Не говоря уже о проникающей туда ереси, тамъ все больше главенствуетъ духъ міра сего. И Архиеп. Аверкій, и Еп. Нектарій наказывали намъ готовиться къ грядущимъ временамъ новыхъ катакомбъ, когда ...останутся лишь разрозненные кучки вѣрующихъ. Наглядный примѣръ — Совѣтская Россія, и на улучшение рассчитывать не приходится, ибо времена неуклонно ухудшаются”.

Съ 1973 г. вь скиту стали появляться новые братія. Сначала это были юноши, подолгу жившіе тамъ и помогавшіе отцамъ вь ихъ повседневныхъ трудахъ. Затѣмъ стали приходить и болѣе взрослые люди, возжелавшіе монашескаго житія. О. Серафимъ сталъ духовнымъ руководителемъ общины. Каждый вечеръ онъ задерживался послѣ службы, чтобы выслушать все “наболевшее” у каждого брата. Этотъ обычай былъ также позаимствованъ у преп. Паисія Величковскаго, который установилъ вь своемъ монастырѣ ежедневное исповѣданіе помысловъ, чтобы на корню пресекать дурныя наклонности. Отець Серафимъ хорошо понималь, что отъ правильного использования этого принципа бываетъ много пользы, а отъ неправильнаго — великій вредъ, поэтому приступилъ къ этому со страхомъ и трепетомъ. Всѣмъ исповѣдующимся онъ давалъ простой совѣтъ: “Смотри за собой вь оба! Познавай себя!”

Желавшіе испытать себя на монашескомъ поприщѣ поначалу жили вь скиту какъ “трудники” и лишь послѣ нѣкотораго испытательнаго срока получали подрясникъ и скуфью послушника. Основное вниманіе удѣлялось внутреннему дѣланію. Вь трапезной всегда читались духовныя святоотеческія наставленія, а у каждого брата было опредѣленное ему индивидуально духовное чтеніе. Случалось, что вь обители жило одновременно до 14-ти человекъ, каждый со своими заботами и запросами. Передъ отцами Германомъ и Серафимомъ встала задача растолковать молодому поколенію смыслъ жизни, столь отличающейся отъ мірской, необходимо было донести до нихъ святоотеческое ученіе о самоотреченіи. Для этого о. Серафимъ сталъ выборочно переводить на англійскій отрывки изъ основныхъ святоотеческихъ трудовъ. Такъ онъ сдѣлаль подборку изъ “Руководства къ духовной жизни” преподобныхъ Варсонуфія и Иоанна, вида, что святые Отцы прошлаго задавались тѣми же вопросами, что и современные ревнители Православія и указали практическіе пути искорененія страстей и стяжанія добродѣтелей. Свои переводы о. Серафимъ читаль братіямъ во время трапезы. Но вь послѣдующіе месяцы братія одинъ за другимъ покидали монастырь. “Что-то духовныя семена святыхъ не взошли. — посѣтоваль о. Германъ. — И почему это?” — “Почва скудна”, — отвѣтилъ о. Серафимъ. Онъ былъ убѣжденъ, что борются съ такимъ верхоглядствомъ можно, насаждая постоянство и приверженность своему дѣлу, поэтому онъ неоднократно повторяль и монахамъ и мірянамъ, какъ важно ежедневное Богослуженіе и чтеніе священныхъ книгъ.

Чрезмѣрное подвижничество вь монастырѣ запрещалось, чтобы послушники не возгордились и не впади вь прелесть, но и простая монастырская дисциплина, отсутствіе “удобствъ”, служили хорошей провѣркой силы духа для

послушниковъ. Бывали случаи, что послушники понѣскольку разъ убѣгали изъ монастыря, а потомъ снова возвращались. Отець Серафимъ жалѣлъ ихъ. “Если бы наши послушники, — писалъ онъ въ лѣтописи монастыря, — сохранили страхъ Божій въ сердцахъ своихъ и рѣшились служить Богу невзирая ни на что — отошли бы всѣ тяготы и искушенія, и ничто не мѣшало бы имъ спасать свои души”. Онъ всячески избѣгалъ роли “богоноснаго старца” въ отношеніяхъ съ молодыми послушниками, стараясь воспитать у нихъ довѣрительное отношеніе и открытость въ общеніи съ духовнымъ отцомъ, привить любовь къ святымъ отцамъ и ихъ наставленіямъ и научить не довѣрять собственнымъ сужденіямъ.

Жили въ скиту и “братья меньшіе” — куры, кошки, собаки, даже павлины, а окрестные олени стали почти ручными. Отець Серафимъ особенно любилъ собакъ. Онъ говорилъ, что смыслъ всѣхъ этихъ животныхъ въ томъ, чтобы “напоминать намъ о Раѣ”.

Монастырь постепенно росъ. Отцы давали своимъ жилищамъ названія въ честь крупныхъ русскихъ монастырей. Такъ напримѣръ, келья о. Серафима называлась “Оптина”. Въ 1974 г. они построили часовню въ память Царственныхъ мучениковъ — Государя Николая II и Его Семьи. Окрестъ расчистили мѣсто для будущихъ “скитовъ”, каждый изъ которыхъ носилъ имя какого-либо святого — св. Іліи Пророка, св. Іоанна Предтечи, св. Іоанна Богослова, преп. Серафима Саровскаго и другихъ — и сначала представлялъ собой расчищенную поляну, гдѣ можно было проводить богослуженія; кое-гдѣ выкопали и котлованы подъ фундаментъ будущихъ часовень или келій. Каждый скитъ помѣчался иконой на деревѣ, деревяннымъ крестомъ или аналоемъ, и туда въ день памяти святого совершался крестный ходъ. Дали названія и окрестнымъ горамъ и холмамъ: преп. Паисія (или “Паисіева горбушка”), Афонъ, Покровская...

Господскіе и Богородичные праздники отмѣчались въ скиту въ бѣдности, простотѣ и великой радости. Были свои традиціи. Напримѣръ, на Преображеніе всенощную служили на вершинѣ горы подъ открытымъ небомъ, а потомъ при свѣтѣ звѣздъ о. Серафимъ дѣлился съ братіей размышленіями о преображенномъ Царствіи Небесномъ, къ которому надо себя готовить.

Отець Серафимъ приходилъ въ церковь самымъ первымъ, уже въ 5 утра. Онъ твердо стоялъ на томъ, что каждый день надо совершать полный кругъ Богослуженій, и не пропускалъ ни одной службы. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ ежедневныхъ трудахъ и заботахъ каждый братъ не лишался Богослуженій. Въ отношеніи церковнаго пѣнія о. Серафиму больше всего нравились русскіе церковныя пѣснопѣнія и особенно древній знаменный распѣвъ. Платинскіе отцы слѣдили за тѣмъ, чтобы каждый жившій въ монастырѣ читалъ и пѣлъ на клиросѣ, а не стоялъ обособленно въ углу, чтобы церковная молитва была дѣйствительно общей. Въ Богослуженіи въ церкви о. Серафимъ хранилъ память Божію, непрестанно творя Иисусову молитву, работалъ ли онъ, гулялъ или отдыхалъ. Слѣдуя традиціи Оптиной пустыни, онъ исполнялъ правило “пятисотницы”, обычно совершая его по ночамъ въ своей кельѣ.

Отець Серафимъ написалъ для “Православнаго слова” нѣсколько статей о богослужебномъ Уставѣ. Онъ

отмѣчалъ, что главное — не внѣшнее знаніе устава “назубокъ”, а усвоеніе духа Богослуженія: нужно вникать въ богослужебные тексты, воспринимая ихъ умомъ и сердцемъ, а не просто “пропуская мимо ушей”, довольствуясь внѣшнимъ слѣдованіемъ Уставу. Отець Серафимъ извлекъ столько пользы для духа черезъ ежедневные Богослуженія, что хотѣлъ и другихъ подвигнуть къ подобной духовной жизни, насколько хватить силъ, — неважно, въ міру или въ монастырѣ. “Въ дореволюціонной Россіи, — писалъ о. Серафимъ, — ежедневно совершались не только вечерня и утреня, но и повечеріе, полунощница и часы. Очевидно, это норма Православія, которой надо слѣдовать и сегодня. Литургіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и службы накануне — это минимумъ, черта, за которой о православномъ благочестіи уже не приходится говорить... Понявъ, насколько мы далеки отъ идеальной (т. е. нормальной) православной жизни въ быту и въ храмѣ, не стоитъ предаваться унынію, напротивъ, мы должны съ удвоеннымъ желаніемъ познавать и искать этотъ идеалъ, насколько позволяютъ намъ условія нынѣшней весьма рассѣянной жизни... Для мірянъ, погрязшихъ въ дѣлахъ житейскихъ, такое представляется почти невозможнымъ. Насколько же важно для нихъ тогда извлечь максимумъ пользы для себя... изъ ежедневнаго цикла Богослуженій”.

Лѣтомъ 1972 г. отцы организовали трехнедѣльные курсы для паломниковъ, во время которыхъ о. Серафимъ читалъ лекціи о развитіи западной философской мысли, начиная съ отпаденія Римской церкви отъ Православія и до нашихъ дней. Эти лекціи были по просьбѣ “питомцевъ” Алексія Янга записаны на магнитофонъ. Отець Серафимъ называлъ ихъ “курсомъ православнаго выживанія”, т. к. считалъ, что для сохранения Православія въ современномъ мірѣ необходимо хорошо знать всѣ формы вѣроотступничества и понимать суть современной цивилизаціи. Отець Серафимъ, какъ никто другой, могъ рассказать объ этомъ, потому что онъ самъ прошелъ долгій путь къ Православію и хорошо изучилъ всѣ вѣры и суевѣрія современнаго міра. Онъ говорилъ: “Если ужъ серьезно принимать Православіе, то до конца, безъ оговорокъ, оно должно объять всѣ сферы жизни. Иначе Православіе — всего лишь очередная религиозная секта, отличная отъ другихъ... только внѣшними атрибутами — Но именно потому, что Православіе есть Истина, оно способно въ корнѣ измѣнить человѣка... Если не имѣть правильного представленія о происходящемъ въ мірѣ, незамѣтно для васъ въ ваше Православіе будетъ привнесень вкусъ разныхъ новомодныхъ идей. Вы по воскресеньямъ, будете ходить въ церковь, а въ будни жить по совѣмъ другимъ мѣркамъ, что приведетъ къ катастрофѣ...” Курсъ лекцій о. Серафима по глубинѣ и охвату матеріала годился для любого университета, но давалъ больше: онъ задавалъ знаніямъ нужное направленіе къ цѣли — къ Православію.

Отець Серафимъ, безусловно, былъ подвижникомъ. Онъ ѣлъ понемногу дважды или трижды въ день, вмѣстѣ съ братіей, рѣшительно отвергалъ всѣ “удобства”, но при этомъ воспитывалъ себя въ умѣренности, такъ чтобы подвигъ былъ посильнымъ и не мѣшалъ ежедневнымъ трудамъ.

Постель о. Серафима была типично монашеской: узкая, жесткая — двѣ сколоченныя доски безъ матраца. Келья — досчатая, ничѣмъ не утепленная каморка. Маленькую

дровяную печь онъ топилъ не болѣе часа передъ тѣмъ какъ лѣчь спать, и къ утру температура въ кельѣ опускалась зимой ниже нуля. Отецъ Серафимъ никогда не принималъ ванну или душъ, только обтирался мокрой тряпицей. Но другимъ братіямъ онъ никогда не воспрещалъ принимать душъ и не укорялъ за “чрезмерное усердіе въ ѣдѣ”. Въ подвижничествѣ о. Серафима особенно поражала одна черта; онъ ни минуты не сидѣлъ безъ дѣла, постоянно пребывая въ какихъ-либо богоугодныхъ трудахъ. Его все время подгоняла боязнь не успѣть. Онъ не разъ повторялъ: “Уже позже, чѣмъ вы думаете. Поэтому спѣшите творить дѣло Божіе!”.

Вѣроятно, о. Серафимъ предчувствовалъ близкую кончину. Врачи сказали ему, что съ дѣтства у него работаетъ только одна почка. Онъ понималъ, что “живетъ взаимы”, по милости Божіей Матери, избавившей его отъ смерти въ 1961 г. Онъ никогда не жаловался на усталость и не предрекалъ своей кончины, но единственной его заботой было выпустить какъ можно больше духовной литературы. Трудясь въ своей смиренной кельѣ, печатая на машинкѣ при свѣчахъ, о. Серафимъ издалъ и написалъ беспримѣрное для нашихъ дней количество православныхъ сочиненій. Какъ только выдавалась свободная минута, онъ устремлялся въ келью и садился за столъ, набрасывалъ планъ и сразу начиналъ печатать статью, лишь изрѣдка отрываясь, чтобы что-то обдумать. Свои работы онъ, въ духѣ монашескаго смиренія, никогда не подписывалъ. Случалось, онъ прямо во время трапезы зачитывалъ братіи переводъ “съ листа” какогонибудь святоотеческаго труда. Переводъ записывался на магнитофонъ, потомъ тщательно провѣрялся. Такъ были переведены на англійскій цѣлыя книги: “Наставленія монахамъ” преп. Феодора Студита, “Житіе старца Анатолія Оптинскаго”, “Духовныя поученія” преп. Аввы Дорофея, главы изъ “Комментаріевъ къ Новому Завѣту” Архіепископа Аверкія и другіе.

Кромѣ “Православнаго слова”, выходившаго разъ въ два месяца, отцы съ 1972 г. регулярно издавали полный церковный календарь на англійскомъ языкѣ. Множество экземпляровъ “Православнаго слова” рассылалось бесплатно — по бібліотекамъ, бѣднымъ монашествующимъ и другимъ неимущимъ людямъ. Съ 1968 г. почти въ каждомъ номерѣ отцы стали печатать житія Новомучениковъ Россійскихъ. Отецъ Серафимъ говорилъ: “Свидѣтельство мучениковъ — самый драгоцѣнный даръ Россіи Западу”.

Въ 1976 г. Братство издало на англійскомъ языкѣ книгу “Блаженный Паисій Величковскій”, куда вошло его житіе, наставленія, обзоръ его вліянія на послѣдующее развитіе монашества и полная церковная служба святому съ канонемъ, написаннымъ о. Серафимомъ. Въ 1978 г. начала выходить серія книгъ о подвижническихъ трудахъ русскихъ подвижниковъ XIX вѣка. Въ 1976 г. вышла въ свѣтъ книга о. Серафима, которая вызвала огромный резонансъ — “Православіе и религія будущаго”, гдѣ разсматриваются современныя религіозныя направленія, признаки “новаго религіознаго сознанія”, прокладывающаго путь единой всемірной религіи Антихриста и знаменующаго начало “бѣсовской пятидесятницы” послѣднихъ временъ. Когда о. Серафимъ работалъ надъ книгой, почти всѣ разсматриваемыя имъ идеи и ученія еще не набрали силу, но онъ точно предугадалъ, что скоро съ “обочины” они быстро

перемѣстятся на “главную дорогу”, И первую роль въ этомъ играетъ экуменическое движеніе, въ которое постепенно вовлеклись всѣ официальныя православныя церкви. Отецъ Серафимъ разсмотрѣлъ съ точки зрѣнія Православія и святоотеческихъ писаній и всѣ нехристіанскіе культы, а также явленіе НЛО и современныя “чудеса” (вызываніе духовъ, цѣлительство, ясновиденіе и прочіе трюки), показавъ, что все это связано съ демоническими силами и направлено на погибель людей. Многимъ эта книга показалась слишкомъ суровой, но о. Серафимъ сознательно не избѣгалъ “острыхъ угловъ”, считая, что когда повсюду совершается явное или скрытое предательство христіанской вѣры, не время деликатничать и искать компромисса. Теперь, послѣ смерти о. Серафима, религія будущаго, которую онъ описалъ, уже сложилась окончательно и вошла въ силу и примѣнительно къ сегодняшнему дню многое въ его книгѣ кажется недостаточнымъ, но тогда оно звучало какъ настоящее откровеніе. Книга о. Серафима помогала и продолжаетъ помогать многимъ людямъ въ осознаніи истинной природы современнаго “чудодѣйства”, экуменизма и прочихъ движеній “новой эры” и въ стремленіи къ болѣе серьезной духовной жизни, держась истиннаго православнаго пути.

Отцу Серафиму также принадлежитъ рядъ статей о древнихъ святыхъ Запада, особенно православной Галліи, которыя были почти забыты современными христіанами. Онъ перевелъ съ латыни на англійскій “Житія отцовъ” св. Григорія Турскаго, снабдивъ ихъ подробнымъ комментариемъ. До послѣднихъ дней жизни отецъ Серафимъ выполнялъ завѣты святителя Іоанна Шанхайскаго и Санъ-Францискаго, стараясь внести свой вкладъ въ великое дѣло прославленія православныхъ святыхъ Запада.

Послѣ кончины сербскаго епископа Саввы (Сарашевича) отцамъ достался его архивъ, по матеріаламъ котораго они издали “Лѣтопись почитанія Архіепископа Іоанна (Максимовича)” на русскомъ языкѣ; въ 1979 г. вышелъ и ее второй томъ — проповѣди и труды самого Владыки Іоанна.

4. Пастырство

Въ октябрѣ 1976 г. въ обитель пріѣхалъ Епископъ Нектарій и сказалъ отцамъ, что Митрополитъ Филаретъ считаетъ необходимымъ для нихъ принять священныя санъ, чтобы они могли служить литургію и во всей полнотѣ окормлять паломниковъ. Въ концѣ декабря о. Германа рукоположили въ скиту въ іеромонаха, а о. Серафима — въ Сан-Франциско 20 декабря/2 января, въ день памяти св. прав. Іоанна Кронштадтскаго, въ іеродіакона. 11/24 апрѣля 1977 г. епископъ Нектарій рукоположилъ о. Серафима въ священника, въ тотъ же день былъ посвященъ въ чтеца Алексій Янгъ.

Когда новое бремя священства легло на плечи отцовъ, Господь избавилъ ихъ отъ бремени нѣкоторыхъ мірскихъ заботъ: въ монастырѣ нашли воду и выкопали колодець, который значительно облегчилъ монастырскій бытъ. Миссіонерская дѣятельность монастыря стала еще шире. Въ разныхъ мѣстахъ страны были созданы приходы съ домовыми церквями, которыя окормляли отцы, ѣздили туда служить литургію. Отецъ Серафимъ сталъ ѣздить въ миссіонерскіе

поѣздки, чтобы окормлять духовно разросшуюся паству, хотя для него это было довольно тяжело: по натурѣ онъ былъ не общительнымъ миссіонеромъ, а мыслителемъ-одиночкой, философомъ, писателемъ, и всякій разъ ему очень не хотѣлось покинуть монастырь, что къ тому же вынуждало его оставлять писательство. Однажды, вѣрнувшись изъ очередной миссіонерской поѣздки, онъ сказалъ: “Изъ-за этого я не досчитаюсь двухъ лѣтъ жизни и тома православныхъ работъ”. Однако онъ смиренно воспринималъ эту новую жизнь и понуждалъ себя отдавать людямъ всю душу. Онъ вскорѣ обрѣлъ радость въ своемъ новомъ призваніи, сострадалъ людямъ, которымъ служилъ и не щадилъ себя ради другихъ. Въ маѣ 1979 г. Алексій Янгъ также былъ рукоположенъ въ священники и сталъ помогать отцамъ въ ихъ миссіонерскихъ трудахъ.

Въ 1977 г. въ “Православномъ словѣ” стали выходить главы книги о. Серафима “Душа послѣ смерти”, гдѣ излагались взгляды святыхъ Отцовъ на загробную жизнь. и современному оккультному пониманію “посмертныхъ опытовъ” противопоставлялось православное толкованіе. Книга вызвала широкой откликъ читателей. Нашлось немало критиковъ. Особенно нападали на ученіе о “мытарствахъ” — оно не вязалось съ современными “гуманистическими” представленіями о Богѣ. Отецъ Серафимъ замѣчалъ: “Люди нынѣ самодовольны и самоувѣренны, они и слышать не хотятъ о суровомъ судѣ и отвѣтѣ за всѣ грѣхи. Куда “удобнѣе” полагать, что Богъ не такъ строгъ, какъ представляетъ Его православная подвижническая традиция, что... если мы исполнимся высокихъ духовныхъ мыслей, ...то спасеніе намъ обеспечено. Истинное православное ученіе о жизни послѣ смерти, напротивъ, наполняетъ насъ страхомъ Божиимъ и вдохновляетъ на борьбу во имя Царствія Божія съ невидимымъ врагомъ, стоящимъ на пути. Къ этой борьбѣ призваны всѣ христіане, и несправедливо “разбавлять сладенькимъ” суровое истинное ученіе, только чтобы вѣрующимъ “удобнѣе жилось”... И непозволительно называть “баснями” то, что мѣшаетъ душевному удобству. Моды и взгляды людскіе измѣнчивы, а православное ученіе неизмѣнно, и неважно, сколько у него послѣдователей. Да пребудемъ же его вѣрными чадами!” Отдѣльной книгой “Душа послѣ смерти” вышла въ 1980 г.

Лѣтніе пріѣзды паломниковъ въ Платину всегда сопровождалась крещеніемъ новообращенныхъ. Отецъ Серафимъ старался духовно направить людей, велъ обширную переписку со своими чадами, со студентами и съ другими желающими пріобщиться къ Православію, определяться на жизненномъ пути. Онъ совѣтовалъ людямъ не спѣшить опредѣлить свое духовное состояніе и больше полагаться на Бога, не оставлять борьбы со своими страстями и не впадать въ отчаянія при трудностяхъ и искушеніяхъ. Проповѣди его были немногословны, всегда по существу. Въ пастырствѣ о. Серафимъ чрезвычайно терпеливо выслушивалъ людей, ихъ чаянія, но своими взглядами всегда дѣлился очень сдержанно, говорилъ коротко, только самое необходимое, Онъ училъ людей смиренію и каждодневной борьбѣ съ грѣхами и самолюбіемъ. Обогащенный собственнымъ опытомъ страданій, исканій и духовной борьбы, о. Серафимъ зналъ, когда пожурить, когда утѣшить, кому заронить семя христіанскаго смиренія и надежды. Обходительность и

мягкость, столь отличная отъ суровости его печатнаго слова, привлекали къ нему людей. Люди понимали, что онъ чувствуетъ ихъ боль, потому что самъ испыталъ ее. При этомъ онъ не былъ сентиментальнымъ и не давалъ волю чувствамъ.

Вотъ какъ вспоминаетъ о немъ одна его духовная дочь: “Помню послѣднюю нашу встрѣчу... Чудесный воскресный день въ Платинѣ, о. Серафимъ рассказываетъ о монастырской собакѣ, павлинахъ, оленяхъ, о недавнемъ затмѣніи солнца. Онъ былъ очень счастливъ, много смѣялся. Я спросила, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ оглядѣлъ монастырь и сказалъ просто: “Какъ въ раю” ...Отецъ Серафимъ неизмѣнно относился ко мнѣ съ любовью, даже когда называлъ “дурой” и “тупицей”. Я почему-то никогда не обижалась, хотя и понимала, что он не шутитъ. Даже этими словами онъ подавалъ надежду. ...Онъ требовалъ, чтобы я жестче относилась къ себѣ, съ другой стороны, просилъ, чтобы я себя не тиранила... Однажды на исповѣди, перечисливъ свои грѣхи, и сказала, что хочу умерѣть, и въ томъ же духѣ. Онъ сказалъ: “Спору нѣтъ, ты — великая грѣшница, но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что нужно уходить изъ жизни!” И у меня вновь появилась надежда. Навѣрное, это самое главное, что онъ давалъ надежду. Онъ все время взывалъ къ моему терпѣнію: “Поспѣшай не торопясь, по мѣрѣ своихъ силъ, и когда падаешь — непременно поднимайся вновь!” ...Онъ всегда находилъ время для меня и для каждаго, невзирая на самочувствіе. Всегда терпеливо выслушивалъ, отвѣчалъ на вопросы...”.

Отецъ Серафимъ сталъ проповѣдникомъ “Православія сердца”, и это было главнымъ содержаніемъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Онъ писалъ: “Прежде всего вѣра должна гнѣздиться въ сердцѣ, а не въ умѣ, она должна быть “живой и грѣющей душу”, а не абстрактной холодной теоріей. Вѣрѣ учатся въ жизни, а не въ школѣ”. Онъ училъ простотѣ: “Принимайте вѣру отъ отцовъ въ простотѣ. ...И даже если люди вокругъ васъ особой мудростью не отличаются. Господь Самъ направляетъ Свою Церковь. И пребудетъ съ нею до конца, такъ что не нужно метаться, впадать въ ересь, отступать отъ вѣры. Послѣдуемъ простому пути, не довѣряя собственной мудрости... — и православное осмысленіе жизни начнетъ мало-помалу складываться у насъ въ душахъ”.

Какъ о. Серафимъ училъ, такъ жилъ и самъ. Однажды одинъ новообращенный студентъ далъ ему почитать свой рефератъ о Кантѣ и спросилъ его мнѣнія. И о, Серафимъ, который проштудировалъ не только Канта, но и многихъ философовъ, о которыхъ студентъ никогда и не слыхалъ, отвѣтилъ: “Слишкомъ умно для меня”, — онъ хотѣлъ этимъ преподать урокъ простоты и смиренія.

Одинъ монахъ пріѣхалъ въ Платину, наслышавшись о глубокихъ и ревностныхъ писаніяхъ о. Серафима, и потому побаивался его. Видя его седины (о. Серафимъ рано сталъ сильно сѣдѣть) и пронизательный взглядъ, онъ растерялся и не зналъ, о чемъ говорить. “А вы знаете, какіе собирать грибы?” — вдругъ спросилъ о. Серафимъ и, будучи опытнымъ грибнокомъ, рассказалъ гостю, какіе съдобные грибы растутъ въ округѣ. У брата на душѣ полегчало, онъ радъ былъ услышать что-нибудь о простой монашеской жизни.

Отецъ Серафимъ очень боялся и не любилъ похвалъ и всегда старался обрывать тѣхъ, кто начиналъ превозно-

сильно его. Отличительным его качеством было терпение и умение переносить трудности. Он не фарисействовал, не напускал на себя “духовного” вида. Можно было видеть, как он шутил, смеялся, играл в снежки с мальчишками, приезжавшими в монастырь.

По совету о. Германа, о. Серафим стал писать “Руководство для обратившихся в Православие”. Основные его советы были таковы: не уповать на себя и свои силы и мнения, а руководствоваться советами более опытных и учением святых Отцов; не подходить к вере как к чему-то абстрактному; не многословить о Царстве Небесном, а сосредоточить все внимание на духовной жизни и держаться подальше от славы и общественного внимания; не увлекаться духовными а переживаниями и” (симптомы этого — возбужденное состояние, обилие “великих” событий и знамений, кипение крови, высокий стиль разговора — свидетельство отсутствия смирения), а трезвиться внутренне и искать совета у святых отцов и в житиях святых; не впадать в излишнее критиканство или, наоборот, превозношение того или иного священника, монастыря, прихода и т. д., считаться с мнением других и не навязывать во что бы то ни стало свои вкусы, какими бы правильными они не казались; учить других без грубости и недоброжелательности, избегать раздоров по второстепенным вопросам. При этом, предостерегая новообращенных от крайностей, о. Серафим был далек от того чтобы противопоставлять им православных по рождению и воспитанию. Некоторые в РПЦЗ считали, что все быды происходят от новообращенных, но о. Серафим с этим не соглашался: Церковь должна быть открыта для всех, а не только для “избранных”. “Воспитанные в Православии с детства обладают терпением, но не рвением, — писал он. — У новообращенных рвения предостаточно, но нет терпения. Лучше всего, когда рвение закалено терпением. Однако, современная Церковь зачастую обращает смирение и терпение в пассивность и трусливое выжидание, что приводит к полному бездействию. Ревностных же новообращенных часто упрекают в “прелести”, их отталкивают, что, естественно, наносит вред. Примем же к руководству Священное Предание, ибо это и есть мудрость Церкви”. В противоборстве русской и греческой традиций о. Серафим также не принимал ничью сторону. “Мы все едины во Христе, и уже совсем непозволительно из-за национальных различий сжить соперничество между православными. Нам есть чему поучиться друг у друга, но и тем и другим нужно учиться в первую очередь у Спасителя нашего Иисуса Христа познавать чистые истоки Его Церкви!”

В 1979 г. несколько женщин, духовно окормлявшихся в их скиту, решили окончательно посвятить себя монашеской жизни. Удалось купить участок земли в 12-ти милях от скита, и там была основана женская обитель во имя блаж. Ксении Петербургской, прославленной в 1978 г. Духовником сестер стал о. Серафим и столкнулся здесь с иными заботами, чем в мужском монастыре. Женщины отличались большей выносливостью и духовной зрелостью, чем мужчины-послушники, но у них были свои “бесовства”, например, злопамятность. Отец Серафим учил их смирению, любви, прощению,

откровенности. В своей обители сестры также совершали полный круг богослужений.

...

В 1982 г. на праздник Преображения о. Серафим по обыкновению выступил с проповедью под открытым звездным небом. В этой своей последней, как оказалось, проповеди он говорил слушавшим о цели нашего земного пути, о жизни грядущей. “Мы живем в конце времени. Все отчетливо знаменая антихриста, к его воцарению готовится весь мир сей. И христианам выпадут неслыханные испытания веры и любви ко Христу. Нам придется скрываться в пустыни... Скрываться надобно не для того, чтобы спасти свою жизнь земную, а чтобы выгадать время и укрепить души перед последней битвой. Начинать нужно уже сейчас. Хотя бы бороться с мелкими страстишками, памятуя, что истинный дом наш не здесь, на земле, но на небесах. Так потрудимся же ради нашего небесного дома, как говорил преподобный Герман. К звездам! К звездам!”

5. “Скончался в малъ, исполни лѣта долга, угодна бо бѣ Господеву душа его...”

После Преображения о. Серафим заболел и не мог больше присутствовать на богослужениях. С ним и раньше бывали недомогания, но он никогда не жаловался, и трудно было судить, насколько он болен. Несколько дней боли не прекращались. Пришлось лечь в больницу. Оказалось, что у него открылась очень редкая и опасная болезнь кишечника. Врачи сделали две операции, но болезнь не остановилась. Состояние его было безнадежным. Отец Серафим лежал, весь в иглах капельниц и невыносимо страдал от боли. У его постели постоянно дежурил кто-то из братии или друзей. Над больным совершили елеосвящение. Его часто причащали, но его состояние все ухудшалось. Говорит о. Серафим не мог. Через несколько дней у него стали отказывать различные органы, и 20 августа / 2 сентября 1982 г. он скончался. Ему было 48 лет.

Его предсмертные страдания, мучительные, но пред лицом вечности недолгие, были последней ступенью его духовного восхождения, подведя к вратам Царства Небесного. “Ибо кратковременное легкое страдание наше производить в безмерном преизбытке вечную славу” (2 Кор. 4:17).

Тело о. Серафима, облаченное в монашеское и священническое одеяние, в простом деревянном гробу оставили до похорон в монастырской церкви. Круглые сутки читали Псалтирь. За три дня, прошедшие с момента смерти до погребения, тело не окостенело, не начало разлагаться, несмотря на летнюю жару. Кожа оставалась теплой, мягкой, золотистой на вид. Лицо о. Серафима в гробу прояснилось, разгладилось, воссияло покоем и счастьем и было таким красивым, что несмотря на обычай закрывать лицо почившего священника и монаха, этого делать не стали. Отец Серафим лежал будто живой и выглядывал моложе, чем при жизни.

В день похорон монастырская церковь была переполнена. Отпевание совершали Архиепископ Антоний и Епископ Нектарий. Народу собралось столько, что многим

пришлось слушать службу со двора. Епископъ Нектарій, увидевъ среди пришедшихъ убитую горемъ мать Бригитту, настоятельницу женской обители блж. Ксеніи, утѣшилъ ее: “Молитесь не за отца Серафима, а отцу Серафиму!” Когда гробъ о. Серафима опустили въ могилу и засыпали землей, всеобщая скорбь стала смѣняться радостью — не сговариваясь, всѣ запѣли “Христосъ воскрес изъ мертвыхъ”. Въ теченіе сорока дней ежедневно совершались заупокойныя литургіи по о. Серафиму. На сороковой день въ монастырь пріѣхалъ Владыка Нектарій съ нѣсколькими священниками. Совершивъ литургію и панихиду на могилѣ, онъ обратился къ собравшимся съ проповѣдью, которую закончилъ словами: “Отецъ Серафимъ былъ праведникомъ, можетъ быть, даже святымъ”. Священникъ, переводившій его проповѣдь на англійскій, запнулся при такомъ смѣломъ заявленіи и попросилъ уточнить. Тогда Владыка громогласно повторилъ: “Да! Святымъ!” Отъ могилы пошли въ храмъ, и на порогъ Владыка Нектарій остановился и во весь голосъ запѣлъ величаніе: “Ублажаемъ тя, преподобне отче Серафиме, и чтемъ святую память твою, наставниче монаховъ и собесѣдникъ Ангеловъ!” Монахи священники и паломники подхватили, и снова горечь разлуки съ о. Серафимомъ скрасилась радостью.

Такъ началось почитаніе о. Серафима, которое затѣмъ перешло и въ Россію. Сейчасъ въ нашей странѣ написано уже нѣсколько иконъ преподобнаго Серафима Роуза и служба ему.

Преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ!

Тропарь преподобнаго. Глас 3.

Явился еси свѣтъ Востока мысленнаго сыновомъ страны западнаго, изводя ихъ отъ тмы невѣденія словомъ твоимъ, и сообразное тому житіе являя, въ пустыни подобно древнимъ отцемъ пожилъ еси въ ней же и тѣломъ нынѣ почиваеши, наследие сый некрадомое ученикомъ твоимъ, съ ними же и мы велегласно вопіемъ ти, спасай насъ молитвами твоими Серафиме, преподобне отче нашъ.

Татьяна Сенина
ВЕРТОГРАДЪ-Информ
№8, 1999 г.

Статья перепечатается съ нѣкоторыми сокращеніями:

<http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=monitor&id=330>

For His Soul Pleased the Lord

In one of the last sermons I heard him give, Hieromonk Seraphim said quietly and simply, as he had said so many times before: “Be kind to one another. Smile, and be cheerful. Carry one another’s burdens for the sake of Christ.”

The death of Fr. Seraphim on August 20/September 2 has removed from the midst of this small, struggling mission of St. Herman of Alaska a faithful servant of God who, while able to grasp deep theological principles, never once strayed from the path of Gospel simplicity, fulfilling the Scriptural description of a righteous man, who “bringeth forth wisdom” (Wis. 4:11). What was Fr. Seraphim to us?

As our readers know, he was a contributing editor: in addition to editorials and signed articles, he also produced many translations (for which he never took credit) and unsigned articles. More importantly, he was the constant conscience of our staff, encouraging us and urging us on, but also gently reminding us when we had (in one of his favorite expressions) “missed the point.” And what was the point? To bring basic Orthodox Christianity to as many Americans as will listen. Nothing more: an apparently simple task; but also, nothing less: a labor of gigantic proportions. He believed in us, stubborn and stupid as we usually were, and more than that, he believed in the importance and value of this work and had great expectations for it.

I write these words, now, with tears, for Fr. Seraphim was my co-worker and collaborator as well as my conscience. I never sat down at the typewriter without Fr. Seraphim figuratively looking over my shoulder; I knew that I would never have to trust myself. Now, my heart breaks, and only Christ can console.

Many may not know that Fr. Seraphim was also the co-editor of the scholarly-theological publication, “The Orthodox Word,” and cofounder of the, Brotherhood of St. Herman of Alaska, as well as the author of many book. Of these equally important aspects of his life it must be for others to write. For myself, I would like to reveal to our readers a little of what Fr. Seraphim, the priest, the pastor, was.

The essence of this priest-monk could be found in his sermons, which were always brief, to the point, intended to touch our hearts and “humble us down” (as he liked to say), and show us what Christ expects of us. I remember the first time he came to our Etna Mission to serve Divine Liturgy. For some reason now forgotten, the Liturgy was in the middle of the night. As he turned from the Holy Table to read the Gospel, a candle in one hand illuminating both the Sacred Scriptures and his pale face, I thought to myself: This is what it was like in the catacombs; and this is what it is like in the persecuted underground Church of Russia today! In these sermons we saw a heart as warm and loving as could be found anywhere in this cold world, and a mind uncluttered and penetrating, produced not by this dismal world, but by grace. “Only struggle a little bit more,” he would urge us, “Carry your crosses without complaining; don’t think you’re anything special; don’t justify your sins and weaknesses, but see yourself as you really are; and, especially, love one another.” The words of Christ. Indeed, Fr. Seraphim showed forth Christ to us in both word and example.

In conversation he was the proverbial “man of few words.” He had no interest in idle chatter, seldom expressed a personal preference for anything, and disliked fakery of all kinds, often speaking of the “Disneyland” mentality of America, which was making it impossible for people to seek and find the truth. He worried about the fact that most of us are “unconscious”: we are so abysmally ignorant of the great truths of our Faith that we do not share Orthodoxy with others. “Be awake, aware, informed!” he would plead. “Don’t leave it to others to understand and ‘digest’ Orthodoxy for you; and don’t keep Orthodoxy to yourselves as though it were some private treasure: share it.”

In Church life, Fr. Seraphim represented a particular view (which is also the dominant position of our Russian Orthodox Church Abroad); he called it the “Royal Path” of moderation and balance in all things. This was not a popular view, however: some, whose concept of Orthodoxy had been reduced to an ecumenist position, thought him a dangerous fanatic; others, suffering from “zeal without understanding,” accused him of betraying Orthodoxy. All this he suffered, being maligned both in person, by letter, and in the press.

Still others, who could not understand either his writings or his sermons, and judged him primarily by his appearance, saw his dusty and tattered robes and

long, matted beard, and disdained him. He did not fit their “image” of a priest or a monk. Behind his back he was more than once called a “dirty monk.” The fact is, he was a true monk, an angel in the flesh, dead to this world but alive to the next, and more concerned about purifying his soul than adorning his body. His example was a reproach to us all.

Of course, while he lived we did not fully appreciate him. We took him for granted, just as we always do with those we love. We thought that in spite of his fragile health he would nonetheless always “be there.” He had only just turned 48--still a young man--with so much work unfinished; his course as an Orthodox Christian only lasted just over twenty short years. And then, after a brief but terrifyingly intense illness, he was gone, so that, “having been a little chastised he shall be greatly rewarded, for God proved him and found him worthy of Himself” (Wis. 3:4).

In the Praktikos there is found this passage: “The death of his father was announced to a certain monk. He turned to the messenger who had brought him the news and replied: ‘Stop your blasphemies. My father is immortal!’” That was how I felt when I received the news of Fr. Seraphim’s repose: he is not dead; he is now truly alive, in Christ! He has gone to the next world to be with his beloved Archbishop John, St. Paisius, and the saints of Gaul and the Northern Thebaid, whose lives he had translated and printed.

What a man was this! Brothers and sisters--our dear Readers--we shall not soon see his like again! I am filled with gratitude to God for having given him to us, even for such a brief time. And I believe with all my heart and soul that he has now heard the blessed voice of the Master speak these precious words:

Fr. Alexey Young

<http://www.roca.org/OA/22/22a.htm>

A Man Not of This World

Hieromonk Seraphim Rose, co-founder and co-editor of The Orthodox Word and cofounder of the St. Herman of Alaska Brotherhood and Monastery at Platina, California, reposed in the Lord on Sept. 2, 1982 n.s. Born in 1934 in California, he was raised in a typical American Protestant family. He graduated from Pomona College in the Los Angeles area, and later received his M.A. in Chinese (Mandarin) from the University of California at Berkeley.

He first encountered true Orthodoxy as a result of the lecture of newly-graduated Jordanville seminarian Gleb (Abbot Herman) Podmoshensky in 1961. By 1963 the establishment of the St. Herman of Alaska Brotherhood, as a missionary endeavor toward the conversion of English-speaking people, under the aegis of Blessed Archbishop John (Maximovitch) (+1966) had been decided upon. The Brotherhood began with headquarters on Geary Boulevard in San Francisco next door to the Cathedral which was then in process of construction. The Orthodox Word began publication with the January-February issue of 1965. The first issues were handset and printed on hand-operated and hand-powered press. In addition to the publication of the magazine, an icon and book store was operated. Father Seraphim, with his modest smile and meek manner was there to greet customers and answer questions, and let his "light shine!"

By 1967, in pursuance of long-range and long-standing plans, search began for a suitable location for a skete, so that full-fledged monasticism could be undertaken. Vladika John having reposed in 1966, the Brotherhood now had a heavenly patron to assist them in all their righteous endeavors. After considerable searching throughout northern California, the present location of the St. Herman of Alaska Monastery was decided upon. Living quarters and the printing shop were made ready so that the two-hundred-and-fifty-mile move northward from San Francisco was accomplished by Dormition of 1969. For one year the two members of the brotherhood labored in solitude and silence before they received tonsure to the Small Schema in October of 1970. In the previous August of 1970, St. Herman of Alaska had been glorified in the Cathedral of the Holy Virgin the Joy of All That Sorrow, in San Francisco. The Brotherhood had labored long and tirelessly to bring this about, and to make known the wonders worked by St. Herman, and his importance for the Orthodox Church, especially in America.

Father Seraphim belonged to that rare species, the ascetics. His labors, who can tell? Perhaps only Abbot Herman. But others have been witnesses. Many were the nights when his attention could be had only with difficulty, because he was so enrapt in the Jesus Prayer even while at table. He demonstrated the virtues as few people in our time are capable of doing. He believed implicitly in the teaching of the Fathers that obedience to one's spiritual father and director must be given without question. He seldom ever allowed himself to become aroused

enough for one to call it anger.

He built a small hut, approximately 6 x 10 feet, on the mountainside, so that he had a refuge from ever-increasing numbers of visitors. He was blessed to enjoy this refuge for seven years, where he prepared many articles for publication, where he prayed and prepared himself to leave this world where he was indeed a stranger and a pilgrim, and to enter his heavenly homeland. He was ordained hierodeacon in January 1977 and was raised to the rank of hieromonk on the Sunday of the Myrrh-bearers the same year, so that after eight years of desert-dwelling he and Abbot Herman were able to celebrate the Holy Mysteries.

Father Seraphim was an inspiration for thousands of people. He gave some of the most inspiring sermons ever uttered in the English language. His constant counsel was: "Censure yourself. Never excuse yourself. If you must, or think you must, give way to a weakness, then be certain that you recognize it as a weakness, and a sin. But see your own faults and condemn not your brother!" During the latter portion of his life, Father Seraphim continually emphasized the need for spiritual attentiveness in preparation for struggles to come. He seemed to have an awareness, a foreknowledge, of apocalyptic times ahead. His message was conveyed in the well-known phrase: "It is later than you think."

Writing both in Russian and English, Fr. Seraphim was able to produce a torrent of articles and books in a relatively short span of time--only 17 years--covering every conceivable subject of interest and importance to the Orthodox reader, including lives of saints, divine services, contemporary problems, and theology. He also translated many works, making them available in English for the first time--an incomparable service to English-speaking Orthodox Christians.

Father Seraphim accomplished more for the glory of God and the spread of true Orthodox Christianity than any other person born on the American continent. May God grant him rest with His saints, where the light of His countenance shall visit him. And may his memory be eternal!

Rassophore-monk, Reader Laurence
Fr. Seraphim's first godchild

The Royal Path

As the Fathers say, the extremes from both sides are equally harmful (We must) go on the royal path, avoiding the extremes on both sides. (St. John Cassian, Conference 11)

Central to Fr. Seraphim's theological writings is the patristic idea of the "royal path". He saw that American converts especially were inclined to look for a "formula" in spiritual life which too often led to a pharisaical 'correctness'. "Born"-Orthodox, on the other hand, fell more easily into lukewarmness and ecumenism. The following excerpt is from Fr. Seraphim's article, "The Royal Path," (Orthodox Word, #70, 1978) written to combat these two dangerous tendencies.

Orthodox Christians live today in one of the great critical times in the history of Christ's Church. The enemy of man's salvation, the devil, attacks on all fronts and strives by all means not merely to divert believers from the path of salvation shown by the Church, but even to conquer the Church of Christ itself, despite the Saviour's promise (Matt. 16:18), and to convert the very Body of Christ into an "ecumenical" organization preparing for the coming of his own chosen one, Antichrist, the great world ruler of the last days.

Of course, we know that this attempt of Satan will fail; the Church will be the Bride of Christ even to the end of the world and will meet Christ the Bridegroom at His Second Coming pure and undefiled by adulterous union with the apostasy of this age. But the great question of our times for all Orthodox Christians to face is a momentous one; the Church will remain, but how many of us will still be in it, having withstood the devil's mighty attempts to draw us away from it?

Our times are much like those of St. Mark of Ephesus in the fifteenth century, when it seemed that the Church was about to be dissolved into the impious Union with the Latins. Nay, our times are even worse and more dangerous than those times; for then the Union was an act imposed by force from without, while now the Orthodox people have been long prepared for the approaching "ecumenical" merger of all churches and religions by decades of laxness, indifference, worldliness, and indulgence in the ruinous falsehood that "nothing really separates us" from all others who call themselves Christians. The Orthodox Church survived the false Union of Florence, and even knew a time of outward prosperity and inward spiritual flourishing after that; but after the new false Union, now being pursued with ever-increasing momentum, will Orthodoxy exist at all save in the catacombs and the desert?...

Today, more than at any other time in the 50-year struggle to preserve the Orthodox tradition in an age of apostasy, the voice of true and uncompromising Orthodoxy could be heard throughout the world and have a pro-found effect on the future course of the Orthodox Churches It is of critical importance, therefore, that this voice be actually one of true, that is, patristic Orthodoxy. Unfortunately, it sometimes happens, especially in the heat of controversy, that basically sound Orthodox

positions are exaggerated on one side, and misunderstood on the other, and thus an entirely misleading impression is created in some minds that the cause of true Orthodoxy today is a kind of extremism, a sort of "right-wing reaction" to "official" Orthodox Churches. Such a political view of the struggle for true Orthodoxy today is entirely false. This struggle, on the contrary, has taken the form, among its best representatives today—whether in Russia, Greece, or the Diaspora—of a return to the patristic path of moderation, a mean between extremes; this is what the Holy Fathers call the ROYAL PATH.

The teaching of this "royal path" is set forth, for example, in the tenth of St. Abba Dorotheus' Spiritual Instructions, where he quotes especially the Book of Deuteronomy: Ye shall not turn aside to the right hand or to the left, but go by the royal path (Deut. 5:32, 17:11), and St. Basil the Great "Upright of heart is he whose thought does not turn away either to excess or to lack, but is directed only to the mean of virtue." But perhaps this teaching is most clearly expressed by the great Orthodox Father of the 5th century, St. John Cassian, who was faced with a task not unlike our own Orthodox task today: to present the pure teaching of the Eastern Fathers to Western peoples who were spiritually immature and did not yet understand the depth and subtlety of the Eastern spiritual doctrine and were therefore inclined to go to extremes, either of laxness or over-strictness, in applying it to life. St. Cassian sets forth the Orthodox doctrine of the royal path in his Conference on "sober-mindedness" (or "discretion")--the Conference praised by St. John of the Ladder for its "beautiful and sublime philosophy":

"With all our strength and with all our effort we must strive by humility to acquire for ourselves the good gift of sober-mindedness, which can preserve us unharmed by excess from both sides. For, as the Fathers say, the extremes from both sides are equally harmful--both excess of fasting and filling the belly, excess of vigil and excessive sleep, and other excesses." Sober-mindedness "teaches a man to go on the royal path, avoiding the extremes on both sides: on the right side it does not allow him to be deceived by excessive abstinence, on the left side to be drawn into carelessness and relaxation."

And the temptation on the "right side", is even more harmful than that on the "left": "Excessive abstinence is more harmful than satiating oneself; because, with the cooperation of repentance, one may go over from the latter to a correct understanding, but from the former one cannot" (i.e., because pride over one's "virtue" stands in the way of the repentant humility that could save one).

Applying this teaching to our own situation, we may say that the "royal path" of true Orthodoxy today is a mean that lies between the extremes of ecumenism and reformism on the one side, and a "zeal not according to knowledge" (Rom. 10:2) on the other. True Orthodoxy does not go "in step with the times"

on the one hand, nor does it make “strictness” or “correctness” or “canonicity” (good in themselves) an excuse for pharisaic self-satisfaction, exclusivism, and distrust, on the other. This true Orthodox moderation is not to be confused with mere lukewarmness or indifference, or with any kind of compromise between political extremes. The spirit of “reform” is so much in the air today that anyone whose views are moulded by the “spirit of the times” will regard true Orthodox moderation as dose to “fanaticism,” but anyone who looks at the question more deeply and applies the patristic standard will find the royal path to be far from any kind of extremism.

The Russian Church Outside of Russia has been placed, by God’s Providence, in a very favorable position for preserving the “royal path” amidst the confusion of so much of 20th-century Orthodoxy. Living in exile and poverty in a world that has not understood the suffering of her people, she has focused her attention on preserving unchanged the faith which unites her people, and so quite naturally she finds herself a stranger to the whole ecumenical mentality, which is based on religious indifference and self-satisfaction, material affluence, and soulless internationalism. On the other hand, she has been preserved from falling into extremism on the “right side” (such as might be a declaration that the Mysteries of the Moscow Patriarchate are without Grace) by her vivid awareness that the Sergianist church in Russia is not free; one can of course have no communion with such a body, dominated by atheists, but precise definitions of its status are best left to a free Russian church council in the future.

The increasing realization in recent years of the basic oneness of the cause of True Orthodoxy throughout the world, whether in the Catacomb Church of Russia, the Old Calendarists of Greece, or the Russian Church Outside of Russia, has led some to think in terms of a “united front” of confessing Churches to oppose the ecumenical movement which has taken possession of “official” Orthodoxy. However, under present conditions this will hardly come to pass; and in any case, this is a “political” view of the situation which sees the significance of the mission of true Orthodoxy in too external a manner. The full dimensions of the True-Orthodox protest against “ecumenical Orthodoxy”, against the neutralized, lukewarm Orthodoxy of the apostasy, have yet to be revealed, above all in Russia. But it cannot be that the witness of so many martyrs and confessors and champions of True Orthodoxy in the 20th century will have been in vain. May God preserve His zealots in the royal path of true Orthodoxy, faithful to Him and to His Holy Church until the end of the age)

<http://www.roca.org/OA/22/22c.htm>

It’s Later Than You Think!

“The more one is aware of the spirit of the times, the better one is able to face the problems of being a true Orthodox Christian in such times.”

With these words Fr. Seraphim began his lecture “Orthodox Christians Facing the 1980’s,” delivered at the St. Herman Summer Pilgrimage in 1979. The same basic theme-of developing an awareness of genuine Orthodoxy and preserving it in these last times-may be found in many of Fr. Seraphim’s writings and particularly his lectures over the last 5 years. An American convert himself, Fr. Seraphim was aware not only of the difficulty in adopting the Orthodox way of life, but, more importantly, of developing a true understanding of Orthodoxy in a country lacking all traditional Orthodox roots. It was not a matter of culture, but of the essence of Christianity and the “one thing needful.”

At the time of his conversion, Fr. Seraphim had just begun what promised to be a brilliant academic career; he knew several languages; he was a philosopher by nature and had begun to write a major book on his own philosophy of life. His hunger to “know” the truth had taken him beyond the Protestantism of his childhood, through a brief but serious encounter with Zen Buddhism, to the European philosophers, and--Dostoevsky. In Dostoevsky he discovered both a profound philosopher and a deeply religious man whose faith was Orthodoxy. This satisfied not only the highest aspirations of his mind, but also the deepest yearnings of his heart. And with all his erudition, he never lost sight of the fact that Orthodoxy is first and foremost a matter of the heart.

It was not long before Fr. Seraphim gave himself wholeheartedly to the acquisition of this newly-discovered treasure and, like the man in the Gospel parable, he gave up all that he had for this “pearl of great price.” With the formation of the Brotherhood, Fr. Seraphim’s talents were used to make others aware of this treasure through the printed word.

The years that followed saw a great increase in the number of American converts. But, as Fr. Seraphim observed, the spirit of the times was so unfavorable to the development of an Orthodox soul, that many of these converts fell into one extreme or another, missing the point of true Orthodoxy altogether. Fr. Seraphim became very concerned with the problem of how to communicate the “feel” of genuine Orthodoxy to contemporary Americans--and to cradle-born Orthodox who are also floundering in the sea of life. “How,”

he asked, "does one distinguish and get in contact with the true Orthodoxy of the Holy Fathers and avoid the false opinions of religion and Orthodoxy which are so much in the air now?" The first step, he said, lay in becoming aware--aware of one's faith, and aware of the spirit of this world.

A significant number of Fr. Seraphim's articles and lectures are devoted precisely to making one aware of these things. They provide an invaluable key to the understanding of Orthodoxy and the means of acquiring that which is indeed, "the pearl of great price."

Below are excerpts* from some of Fr. Seraphim's lectures and writings on this very important subject of Orthodoxy and the contemporary world. Let us all think carefully upon his words, planting them firmly in our hearts, and pray that by acting upon them we might bear the fruit of his labors, unto the salvation of our souls.

Facing the 1980's

After painting a rather bleak picture of the situation of mankind today, Fr. Seraphim gave an astute prognosis of what to expect in the '80's, how this will affect us spiritually, and what we should do about it. He emphasized three movements: the spread of communism in the free world, the increase of Eastern religious ideas and spiritual deception, and the religious awakening in Russia. The spread of communism, he said, we should understand from a spiritual point of view. He then addressed the question: How can we prepare ourselves to withstand the difficulties which lie ahead?

"First of all, we must realize that the freedom we have in America is a precious gift which half the world has lost and hardly anyone else possesses to the extent we do; we are responsible before God for the fruitful use of this freedom.

"Second, we must recognize the reality of Communism (that is to say, atheism), this plague of our times, and face the very real possibility that we may have to live under it or something very similar. Our spiritual preparation for this will at the same time deepen our own spiritual awareness and spiritual life.

"Third, we must become informed. We must be informed of the sources of our Orthodox faith. We must be constantly reading spiritual books--the Holy Scripture, Lives of Saints, Holy Fathers--and all of this not for abstract knowledge, but to help our daily Christian life. When an atheist government comes, we may be entirely deprived of books and have no contact with Orthodox clergy for long periods--we will have to live then on what we have read or been told, but what we have absorbed and lived of Christian teaching. We will be required also to say a word to others--and it must be not just something memorized, but a living word that is part of us.--The reality Communism...must make us all the more aware of why we believe as we do. Why do we believe in God?

Why do we accept Jesus Christ as God and Saviour? Why do we belong to the Church and receive the Holy Mysteries? These questions become very real under Communism, and if our belief and commitment to Orthodoxy are not deep, they will fall away under persecution..."

The religious awakening in Russia Fr. Seraphim saw as very positive:

"The recovery of faith in Russia is perhaps what is most alive in the Orthodox world today, and it can inspire us to treasure our own faith all the more and increase the talent which God has given us to speak the truth of Orthodoxy in freedom."

He constantly warned that Orthodoxy in the free world faced the dangerous temptation of becoming what Fr. Dimitri Dudko spoke of as "spirituality with comfort":

"We should remember this phrase when we look at our own feeble Orthodoxy in the free world: are we content to have beautiful churches and chanting; do we perhaps boast that we keep the fasts and the church calendar, have "good icons" and "congregational singing," that we give to the poor and perhaps tithe to the Church? Do we delight in exalted patristic teachings and theological conferences without having the simplicity of Christ in our hearts?--then ours is a "spirituality with comfort," and we will not have the spiritual fruits that will be exhibited by those without all these "comforts" who deeply suffer and struggle for Christ..."Finally, he said:

"Our most important task, perhaps, is the Christian enlightenment of ourselves and others. We must go deeper into our faith--not by studying the canons of Ecumenical Councils or the typicon (although they also have their place), but by knowing how God acts in our lives; by reading the lives of God pleasers in the Old and New Testaments (we read the Old Testament far too little--it is very instructive); Lives of Saints; writings of the Holy Fathers on practical spiritual life; the sufferings of Christians today and in recent years. In all of this learning our eyes must be on heaven above, the goal we strive for, not the problems and disasters of earth below..."

"Our Christian enlightenment should flower in a conscious Orthodox philosophy of life. This means that we know what we believe and what it means for our life. Our Orthodox Christian tradition contains the answers to all the searchings and legitimate questions of man's mind..."

The Religion of the Future

Deeply penetrated by a precise understanding of patristic Orthodoxy, Fr. Seraphim was deeply aware of the myriad forms of spiritual deception and Christian counterfeits ready to ensnare those not firmly grounded in the true Faith. His own earlier attraction to Buddhism further enabled

him to make some very keen observations concerning the spiritual climate of our times. These formed the basis of his book, Orthodoxy and the Religion of the Future, excerpted here:

It is deeply indicative of the spiritual state of contemporary mankind that the "charismatic" and "meditation" experiences are taking root among "Christians." An Eastern religious influence is undeniably at work in such "Christians," but it is only as a result of something much more fundamental: the loss of the very feeling and savor of Christianity

The life of self-centeredness and self-satisfaction lived by most of today's "Christians" is so all-pervading that it effectively seals them off from any understanding at all of spiritual life; and when such people do undertake "spiritual life," it is only as another form of self-satisfaction. This can be seen quite clearly in the totally false religious ideal both of the "charismatic" movement and the various forms of "Christian meditation": all of them promise (and give very quickly) an experience of "contentment" and "peace." But this is not the Christian ideal at all, which if anything may be summed up as a fierce battle and struggle. The "contentment" and "peace" described in these contemporary "spiritual" movements are quite manifestly the product of spiritual deception, of spiritual self-satisfaction-which is the absolute death of the God-oriented spiritual life. All these forms of "Christian meditation" operate solely on the psychic level and have nothing whatever in common with Christian spirituality. Christian spirituality is formed in the arduous struggle to acquire the eternal Kingdom, which fully begins only with the dissolution of this temporal world, and the true Christian struggler never finds repose even in the foretastes of eternal blessedness which might be vouchsafed to him in this life; but the Eastern religions, to which the Kingdom of Heaven has not been revealed, strive only to acquire psychic states which begin and end in this life.

In our age of apostasy preceding the manifestation of Antichrist, the devil has been loosed for a time (Apoc. 20:7) to work the false miracles which he could not work during the "thousand years" of grace in the Church of Christ (Apoc. 20:3), and to gather in his hellish harvest of those souls who "received not the love of the truth" (II Thes. 2:10). We can tell that the time of Antichrist is truly near by the very fact that this satanic harvest is now being reaped not merely among the pagan peoples, who have not heard of Christ, but even more among "Christians" who have lost the savor of Christianity. It is of the very nature of Antichrist to present the kingdom of the devil as if it were of Christ. The present-day "charismatic" movement and "Christian meditation," and the "new religious consciousness" of which they are part, are forerunners of the religion of the future, the religion of 'the last humanity, the Religion of Antichrist, and their chief "spiritual" function is to make available to Christians

the demonic initiation hitherto restricted to the pagan world

What has brought humanity--and indeed Christendom--to this desperate state? Certainly it is not any overt worship of the devil which is limited always to a few people; rather, it is something much more subtle, and something fearful for a conscious Orthodox Christian to reflect on: it is the loss of the grace of God, which follows on the loss of the savor of Christianity

How much, then, must Orthodox Christians walk in the fear of God, trembling lest they lose His grace, which by no means is given to everyone, but only to those who hold the true Faith, lead a life of Christian struggle, and treasure the grace of God which leads them heavenward. And how much more cautiously must Orthodox Christians walk today above all, when they are surrounded by a counterfeit Christianity that gives its own experiences of "grace" and the "Holy Spirit" and can abundantly quote the Scriptures and the Holy Fathers to "prove" it! Surely the last times are near, when there will come spiritual deception so persuasive as to deceive, if it were possible, even the very elect (Matt. 24:24)

Against this powerful "religious experience" true Orthodox Christians must now arm themselves in earnest, becoming fully conscious of what Orthodox Christianity is and how its goal is different from that of all other religions, "Christian" or non-Christian.

Orthodox Christians! Hold fast to the grace which you have; never let it become a matter of habit; never measure it by merely human standards or expect it to be logical or comprehensible to those who understand nothing higher than what is human Let all true Orthodox Christians strengthen themselves for the battle ahead, never forgetting that in Christ the victory is already ours...

Living an Orthodox World-View

(Condensed from a lecture delivered by Fr. Seraphim at the St. Herman Summer Pilgrimage this year.)

Orthodoxy is life. If we do not live Orthodoxy, we simply aren't Orthodox, no matter what formal beliefs we might hold.

But life in our contemporary world has become very artificial, very uncertain, confusing. And we cannot help but be affected by this. How is it possible for us as Orthodox Christians to lead other-worldly lives in these terrible times? How can we develop an Orthodox Christian view of the whole of life today which will help us to survive these times with our Faith intact?

It is no exaggeration to say that, from the perspective of a normal life viewed even 50 years ago, life today has become abnormal. Fundamental values and concepts of behavior have been turned upside-down. The spoiled and pampered generations know no law except the fulfillment of personal happiness "now." Parents bow down before their children's whims and these same children grow to adulthood merely substituting their childhood toys and games for grown-up amusements. Life becomes a constant search for "fun" which is so empty of any serious meaning that a visitor from any 19th century country, looking at our popular television programs, amusement parks, advertisements, movies, music – at almost any aspect of our popular culture – would think he had stumbled across a land of imbeciles who have lost all contact with normal reality.

This "plastic" culture, which has been spawned by the "me generation," cannot support the development of normal human life, much less inspire a genuine search for truth. When this "me generation" turns to religion—which has been happening very frequently in the past several decades—it is usually to a "plastic," self-centered form of religion, filled with all the fantasy of a television program. In only a few short years this country has been inundated with a shocking variety of brainwashing and mind-bending cults, deified gurus, swamis, and other self-made "holy men." And these are not the only ones who vie for the total allegiance of souls. The secular world today presents a constant state of temptation which makes equally totalitarian demands on the soul. We are constantly confronted by it—whether in the background music heard everywhere in markets and businesses, in the public signs and billboards, and

in the home itself where television often becomes the secret ruler of the household, dictating modern values, opinions and tastes.

In its various forms it all speaks the same message—Live for the present, enjoy yourself, relax. Behind this message is another, more sinister undertone which is openly expressed today only in the official atheist countries which are one step ahead of the free world in this respect: Forget about God and any other life but the present one. This philosophy has forged a chain of concentration camps in the Soviet Union commonly called Gulag. As more and more people become caught up in the American "Disneyland" mentality, the true God is pushed away and unconsciously we are brought one step closer to our own Gulag.

But what, one might ask, does all this have to do with us who are trying to lead, as best we can, a sincere Orthodox Christian life? It has a lot to do with it if we are humble enough to see that our environment, abnormal though it is, does have a certain effect on us. The question then arises: What can we do about it?

There are two false approaches to the life around us that many Orthodox often make today. The most common one is simply to go along with the spirit of the times. Lacking a strong Orthodox example in their parents, many Orthodox young people are not even aware of the need to struggle against the universal temptation of this "narcissist" age. They readily blend in with the anti-Christian world around them. This is death to the soul. As Christians we must be different from the world, and teach our children this difference. Otherwise there is no point in calling ourselves Christians, and Orthodox Christians at that.

The false approach at the opposite extreme is what one might call false spirituality, or "super-spirituality," often taken by those who have zeal without knowledge (Rom. 10:2). As translations of Orthodox texts on spiritual life are made available, one finds an increasing number of people talking about "hesychasm," the Jesus prayer, exalted spiritual states, etc. It is wonderful to be inspired and to realize our high calling, but unless we have a very realistic and very humble awareness of how far away all of us are from these Spiritual heights,

our interest will only develop into a new game which is just another expression of our self-centered, plastic universe.

The importance of avoiding these two extremes of worldliness and super-spirituality cannot be overemphasized. This is not to say that we should not have a realistic awareness of the legitimate demands which the world makes upon us, or that we should cease respecting and taking sound instruction from the great hesychast Fathers and using the Jesus prayer ourselves, according to our circumstances and capacity. The point is that we must deeply realize what times we live in, how little we actually know our Orthodox faith and how much we must humble ourselves just to survive as Orthodox Christians today.

What Can We Do?

What can, and should, one do to avoid the above-mentioned extremes and to lead a truly fruitful life in these perilous times? Because the periods of childhood and youth are so critical to the formation of the soul, the answer to this question should be directed first of all to parents. They must be aware that the world seldom helps and almost always hinders the upbringing of a child in the true Orthodox spirit. Even what a child learns in school today is seldom free of many wrong attitudes and philosophies. Parents, therefore, have a great responsibility both to be aware of what their child is being exposed to --whether TV programs, sex education classes at school, movies, popular music--, and to educate their child in a proper Christian understanding of things. A child who is given an appreciation for good classical music, literature, history, art, even science, is at least partially inoculated against the plastic culture and its temptations.

But it is not only children--it is all of us --who are facing a life and death struggle with the anti-Christian world which is indeed "too much with us" today. One who is converted to Orthodoxy straight from "rock" culture has a difficult road to follow before he can become a truly serious Orthodox Christian. On the other hand, the person who is well-acquainted with the best products of secular culture--which in the West almost always has definite religious and Christian overtones--has a much better chance of leading a normal, fruitful Orthodox life. We must not artificially isolate ourselves from the reality of today's world; rather, we must learn to use the best things the world has to offer, for everything

good in the world--if we are only wise enough to see it--points to God, and we must make use of it. Too many people make the mistake of limiting Orthodoxy to church services, set prayers, and the occasional reading of a spiritual book. True Orthodoxy, however, requires a commitment that involves every aspect of our lives. One is Orthodox all the time every day, in every situation of life--or one is not really Orthodox at all. For this reason we must develop an Orthodox world-view and live it.

How Can We Develop and Support This Orthodox World-View in Our Daily Life?

The first way in which we can develop and sustain this Orthodox world-view is to be in constant contact with the sources of Christian nourishment, with everything that the Church gives us for our enlightenment and salvation: the Church services and Holy Mysteries, Holy Scripture, the Lives of Saints and writings of the Holy Fathers. And if they are to truly benefit us, we must have the right attitude towards them. We must not use them merely to gain intellectual knowledge, or to satisfy what we may feel is a religious obligation. These things must directly touch our lives and change them. Our Orthodox education must give us a feel for what is truly Christian; it must enter our hearts and be capable of touching other hearts.

We must have a normal, down-to-earth attitude, one that is not too exalted and too much in the clouds. Likewise, our attitude must not be self-centered: we must never be "satisfied" with being Orthodox ourselves, but reach out with Christian love and understanding to others who are genuinely seeking for God--otherwise we are the dead burying the dead, the salt which has lost its savor. We must avoid worldly attitudes. A certain hardness has crept into Orthodox life today; too often, in place of love and forgiveness, one finds mistrust, criticism, and judgment; gossip echoes words like "fanatic," "heretic," "spy." Without being overly naive, as Christians we must be loving and open. And we would be slower to judge if we had a little humility in looking at ourselves. Finally, our Christian attitude must be what, for want of a better word, the world calls innocent. We must strive to avoid being drawn into the worldly or external side of the Church; rather, we must concentrate on "the one thing needful": Christ and the salvation of our souls.

It is obvious to any Orthodox Christian who is aware of what is going on around him today, that the world is coming to its end. There are wars and rumors of wars,

widespread natural disasters, the multiplication of false Christs, the increasing centralization of information in preparation for a single world ruler--It is truly later than we think; the Apocalypse is now. While there is still time, let us tear ourselves away from this "fool's paradise" and begin to heed the call of Christ.

Outward membership in the Orthodox Church is not enough. In the words of Fr. George Calciu, an imprisoned Orthodox priest behind the Iron Curtain, "Let us build churches with our faith, churches which no human power can pull down. A church whose foundation is Christ." This is possible if we have the courage to

be different from the world around us, if we develop and nourish an Orthodox world-view, penetrated by a living, normal attitude, loving and forgiving, not self-centered, preserving our innocence and unworldliness. Then, in spite of our sinfulness and inadequacy, our Faith will survive the shocks ahead of us and be a source of inspiration and salvation for those who will still be seeking Christ even amidst the shipwreck of humanity which has already begun today.

<http://www.roca.org/OA/22/22E.htm>

Confessor of True Orthodoxy

Just before awakening on the morning of September 2, 1982, when Fr. Seraphim was dying, I saw a dream. I was in the company of a priest unknown to me. who was reprimanding me for my sins. He told me I must never take offense at anyone. Together we entered a large, palatial hall. At the end of this hall a man was standing on a raised platform and singing. It was difficult to see him well because of the distance. In a most beautiful voice, he was singing the Magnification: "My soul doth magnify the Lord..." I said, "I don't hear well." The priest urged me to go closer and I took several steps forward. Then I began very clearly to hear the singing. The singer was a tenor with a voice like Fr. Seraphim's whose singing I had heard years ago in the San Francisco Cathedral. That was in the early 60's. Standing in the cliros, he alone sang the entire Matins service from beginning to end. Never in my life had I heard more prayerful singing. My soul was uplifted to the heights Now in my dream, I heard that same incomparable singing. It was the same voice, but it sounded like that of an angel, a dweller of paradise. This was heavenly, unearthly singing.

Waking up, I understood that there was no hope for Fr. Seraphim's recovery.

Having the greatest admiration for the newly-reposed Fr. Seraphim, and valuing highly his achievements before God, I would like to write a few words about

an attribute of his which is most dear and close to my heart. This is his faithfulness to genuine Orthodoxy. He did not have the slightest divergence with the teaching of the Church; he did not hold to any personal opinions. My late husband, Ivan M. Kontzevitch, was the same, having several university degrees and, towards the end of his life completing theological academy. It never entered his mind to sin against the teachings of the Church.

The teaching of the Orthodox Church is not a product of the minds or the deliberations of the great Fathers of the Church. The Holy Spirit Himself inspired them with this teaching. It is for this reason that Orthodoxy is unshakable. Every offense against the Holy Spirit is an unforgivable sin (Matt. 12:31, 32). Faithfulness to Orthodoxy in our difficult and troubled times is of great value. Fr. Seraphim was a burning and illuminating lamp. He left us his light in his writings. Glory to God for all things.

Helene Kontzevitch

<http://www.roca.org/OA/22/22h.htm>

“Parish Bulletin”

Holy Ascension Russian Orthodox Church,
Diocese of San Francisco and Western America,
Russian Orthodox Church Abroad.

Address: 714 — 13th Street, Sacramento, CA 95814. Telephone: (916) 443-2271. FAX (916) 443-5079
Sisterhood: (916) 446-7473.

Website: <http://www.holyascensionchurch.com>

Rector: Rev. Paul Volmensky, home (916) 443-2271 Choir conductor: Elizabeth Volmensky (916) 284-6250
mobile (916) 730-2680 Head Sister: Veronica Klimoff (916) 362-8567
Church Warden: Leonty Naumov (916) 308-1981 Cemetery Treasurer:

The Holy Ascension Russian Orthodox Church
714 -- 13th Street
Sacramento, CA 95814